

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ !

ДЖЕФФ ДЖАЙЛС

НА КРАЮ ВСЕГО

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Книга-фантазия

Джефф Джайлс

На краю всего

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джайлс Д.

На краю всего / Д. Джайлс — «Эксмо», 2017 — (Книга-фантазия)

ISBN 978-5-699-99795-4

Для Зои Биссел это был год, полный потрясений. Смерть отца, исчезновение соседей, дружба с которыми помогала вынести удары судьбы. Затем жестокое нападение в лесу во время бурана и чудесное спасение таинственным охотником за головами, прозванным ею Икс. Икс – обитатель Низин, одной из областей Ада, посланный за душой напавшего на Зою. Ему запрещено раскрывать себя кому-либо, кроме его добычи, но он нарушает адские правила ради девушки. Когда они узнают больше о своих мирах, то начинают сомневаться в прошлом, своей судьбе и будущем. Но побег из Низин и незримые путы, которые связывают Икса, могут потребовать принести в жертву самое дорогое... Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-99795-4

© Джайлс Д., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Часть 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Джефф Джайлс

На краю всего

Дженни

Jeff Giles

The Edge of Everything

Copyright © Jeff Giles, 2017 This edition published by arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Разработка серии *С. Шикина*

Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Пролог

*С начала времен
– в детстве – казалось,
что боль означает:
не любят меня.
Она означала, что я люблю.*

Луиза Глюк, «Первое воспоминание»

Она сама дала ему имя, и потому ей казалось, что он ей принадлежит.

Он объяснил, что там, откуда он пришел (он называл это место Низинами), в момент прибытия отнимают имя, как напоминание, что ты никто и ничто. Когда он ей об этом рассказал, она придвинулась чуть ближе. Ей следовало бы бояться: ведь она видела, что он сделал со Стэном, – а она не боялась. Стэн получил по заслугам, даже легко отделался.

Озеро замерзло, и они стояли далеко, в центре. Лед двигался, оседал. Он гулко трещал под ними, словно мог проломиться. Стэна уже не было, но капли его крови впитались в лед, образуя у ног темное созвездие.

Она упорно не смотрела на кровь. Она предложила несколько имен на выбор, а он слушал молча, и взгляд у него был робкий и ранимый. Ей захотелось придвинуться еще ближе, но она опасалась его испугать. Вместо этого она его поддразнила.

Она сказала, что ему пойдет имя Арагорн... или Фред. Он смущенно наклонил голову. Придется поработать над его чувством юмора.

Больше ничего она в нем менять не стала бы. У него были темные спутанные волосы, падавшие ему на глаза, словно лозы. Лицо бледное, не считая ссадин на обеих щеках. Казалось, будто кто-то хватал за них и впивался ногтями. Раз за разом. Долгие годы. Она не стала спрашивать, кто его мучил или почему его отправили в эти самые Низины, где бы они ни находились. Для таких вопросов было рановато.

Он объяснил ей, что, даже если она даст ему имя, повелители Низин не позволят ему им пользоваться. Она слышала, как яростно он кричал на Стэна. А вот с ней он был тихим и неуверенным. Он сказал, что, наверное, даже не заслуживает имени – после всего, что сделал. Что его вынудили сделать.

Если это и не разбило ей сердце, то кусочек уж точно откололо.

Сейчас он смотрел на нее – заглядывал в нее, словно в ней скрывался какой-то ответ.

Она бросила на него игривый взгляд.

– Парень, ну серьезно, – сказала она, – заканчивай с гляделками.

Она заявила, что каждый заслуживает имени, так что пусть «повелители» заткнутся.

Она сказала, что ее зовут Зоя Биссел.

Он кивнул. Он это уже знал. Она не могла понять откуда.

Она решила, что будет называть его Икс, пока не поймет, что он за человек. Икс – как «неизвестная переменная». Зое было семнадцать, и на нее уже обрушилось столько гадостей и одиночества, что она понимала, какое это безумие – сближаться с кем-то. Но вдруг боль Икса – в чем бы она ни заключалась – поможет ей забыть о своей?

Она пообещала, что, если Низины отнимут и это имя, она просто даст ему очередное.

– Например, Фред, – отозвался он и попытался улыбнуться.

Он быстро учился.

Часть 1 Спасение

1

Зоя встретилась с Иксом февральским воскресеньем. Со стороны Канады надвигалась буря, и небо было такое темное, будто кто-то опустил на Монтану крышку громадного гроба.

Буран должен был дойти до гор примерно через час, и мама отправилась запастись продуктами впрок. Зое хотелось поехать с ней, потому что маме выбор продуктов доверять не следовало. Никогда. Ее мать была крута во многом. Вот только она оставалась убежденной веганкой, так что ее идеальным обедом было тофу или соевая спаржа, хоть Зоя неоднократно повторяла, что вкус у них, как у мяса инопланетян.

Мама потребовала, чтобы они с братом Джоной сидели дома, в безопасности. Она сказала, что почти наверняка успеет спуститься с горы и вернуться до того, как налетит буря. Самой Зое уже приходилось ездить в метель. Она была почти уверена, что у мамы ничего не получится.

Зоя была не в восторге от того, что ее оставили за старшую. Отчасти потому, что Джона – псих, хоть ей и не разрешается так его обзывать. Мать даже повесила на кухне плакат над громадной соковыжималкой: «Негодные слова, которых я никак не допускаю». К тому же в последнее время места, где она прожила всю жизнь, вдруг стали казаться пугающими и чужими. В ноябре отец Зои погиб, исследуя пещеру под названием Черная слеза. Потом, в январе, двух самых близких ей людей, пожилую супружескую чету, Бертю и Бетти Уоллес, уволок из дома какой-то чужак – и с тех пор их никто не видел. Горе холодным камнем давило Зое на сердце. Она не представляла себе, каково сейчас Джоне.

С улицы она слышала брата: он носился за Споком и Ухурой¹, как и подобает маньячному мальчишке с синдромом дефицита внимания. Она отпустила его гулять, потому что он попросился поиграть с собаками, а она, честно, больше не могла оставаться с ним ни секунды. Ему же восемь. Скажи она нет – и он станет ныть, пока у нее уши не заболят. («Ну отпусти хоть на десять минуток, Зоя! Ну ладно, на пять! Ну, хоть на две! На две можно? ОК, значит, на пять?»). Даже если получится его заткнуть, ей придется терпеть его безумную подвижность в тесном домишке на пустынном склоне, а буран будет надвигаться на них разъяренной армией.

Она вышла в Интернет и открыла метеостраницу. Десять градусов ниже нуля.

Зоя понимала, что надо позвать Джону в дом, но продолжала тянуть время. Она все еще не готова была им заниматься. По крайней мере она хорошенько его закутала: зеленая толстовка с капюшоном, пуховик, черные перчатки с черепами, которые светятся в темноте. Она потребовала, чтобы он надел снегоступы, чтобы не провалиться с головой в сугроб. Зое пришлось потратить десять минут, чтобы надеть их ему на ноги, пока он дергался и извивался, словно она била его током. Нет, ну до чего он бывает нелепым!

Она проверила мобильник. Пять часов – и ей пришли две эсэмэски.

Первая была от ее приятеля, Далласа, с которым она изредка встречалась до смерти папы.

В ней говорилось: «Буран – это круть! Ты как, ОК?»

¹ Спок и Ухура – герои телесериала «Звездный путь» (прим. ред.).

Даллас был славным парнем. С мускулами и рельефом. Похож на баскетболиста. Милашка, но не совсем в Зоинем вкусе. А еще он сделал татуировку, которая перебивала все настроение, стоило ему снять футболку. Похоже, он долго колебался между: «Всегда вперед!» и «Не стой на месте!», и запутавшийся татуировщик в результате набил: «Всегда не стой!» Даллас, он такой Даллас: пришел в восторг и потребовал, чтобы татуировщик дал ему пять.

Зоя ответила на далласовском: «Все пучком! Спсб за смс. Жжош нипадецки! (Так сказать можно?)»

Второе сообщение пришло от ее лучшей подруги Вэл: «Буран – это жопа. ЖОПА! Пойду подремлю вместе с Глорией, чтобы о нем не думать. Я СЕРЬЕЗНО насчет подремать. Тебе ТОЧНО НИЧЕГО не нужно, пока я не ушла? Когда начнется сон, я буду для тебя НЕДОСТУПНА».

Подружка у Вэл была ужасно стеснительная. А вот Вэл – нет. Она уже год была безумно влюблена в Глорию и постоянно вытворяла нечто красивое, но слегка безумное – например, посвящала целый пост ступням Глории.

Зоя написала в ответ: «Почему все обо мне беспокоятся? У меня все ХОРОШО! Иди и дремли, богиня дремоты! Я буду сидеть ти-и-ихо!!!»

Улыбаясь, она добавила смайлики: будильник, молоток и бомбу.

Вэл написала в ответ: «И я тебя люблю, чудик!»

* * *

Зоя нашла на кухне в ящике скотч и проклеила окна нижнего этажа, чтобы буран их не разбил. Мать говорила, что делать это во время бурана глупо и, возможно, даже опасно, однако Зою это почему-то успокаивало – и позволяло чем-то себя занять. Выглянув в окно, она увидела, как Джона и два черных лабрадора перепрыгивают через замерзшую речку, протекавшую в конце их двора. Мама запрещала им это делать на еще одном плакате: «Негодные поступки, которых я никак не допускаю». Зоя сделала вид, будто не видит, чем занимается брат. А потом перестала смотреть, чтобы не поймать его на чем-то еще худшем. Она поднялась вверх и наклеила кресты из скотча на все окна второго этажа. Ради разнообразия кое-где она добавила круги, чтобы подъезжающей маме показалось, будто какие-то великаны играли здесь в крестики-нолики.

Она закончила заклелку в 5.30, как раз, когда буран наконец отыскал их гору. Она приготовила себе чашку кофе – черного, потому что мать покупала только соевое молоко, вкусом напоминавшее слезы инопланетян, и перешла в гостиную, чтобы выпить его у окна. Зоя устремила взгляд на лес, что начинался у самого их двора и уходил вниз к самому озеру. Принадлежавшая ее семье земля в основном представляла собой лысый склон горы, но у самого дома росли лиственницы, затенявшие его летом. Сейчас их трепал ветер. Ветки били и царапали стекло. Казалось, будто деревья пытаются пробраться в дом.

Мать отсутствовала уже два часа. К этому моменту полиция должна уже перекрыть дороги, и хоть мама редко принимает отказы, копы ни за что не позволят ей сегодня вернуться на гору. Зоя запихнула эту мысль в коробку с наклейкой «Не открывать» в самый уголок сознания. Она прошла к двери и окликнула Джону. Какая она идиотка, что позволила ему оставаться на улице так долго! Эту мысль она тоже запихнула в коробку.

Джона не отозвался. Непонятно, почему она вообще на это рассчитывала. Она любит этого козавку, но слишком часто ей кажется, что его единственная цель – это создавать ей проблемы. Она не сомневалась, что он ее услышал. Он просто не желает прекращать беготню с собаками. Их не пускают в дом даже в непогоду, а Джона считает, что это подло. Он даже один раз устроил настоящий пикет с плакатом.

Зоя еще три раза позвала брата: громко, еще громче, на пределе громкости. Безрезультатно.

Она снова открыла метеостраницу. Уже минус пятнадцать.

Из окна было видно только белое буйство. Все стало бесформенным и заваленным снегом: ее поразительно дрянная красная машинка, компостная куча и даже большой деревянный медведь, которого хипповатый приятель матушки Руфус выпилил и поставил у подъездной дороги. При мысли о том, что придется одеваться и выходить в буран только для того, чтобы затащить паразита Джону в дом, Зоя так разозлилась, что даже щеки загорелись. И маме пожаловаться нельзя будет, потому что Зое вообще не следовало отпускать его на улицу. Джона всегда находит способ выиграть. Он псих, но хитренький.

Она позвала Спока и Ухуру. Безрезультатно. Спок на два года моложе Ухуры и настоящий трус. Зоя решила, что он забился под трактор в сарае и трясется. Но вот Ухура была отчаянная и бесстрашная. Она должна была примчаться.

Зоя вздохнула. Придется идти искать Джону. Выбора нет.

Она натянула шарф, перчатки, сапоги, дутое синее пальто и шапку с кисточкой, которую Джона связал для нее, когда погиб папа. (На самом деле Ухура слопала кисточку, и на ее месте теперь была дыра, которая постоянно увеличивалась.) Зоя не стала возиться со снегоступами: она ведь только выйдет ненадолго, чтобы увести Джону в дом. На пять минут. Может, на десять. Максимум.

Зоя понимала: бесполезно мечтать, чтобы папа был рядом и помог ей искать Джону. Но она все равно об этом подумала. Воспоминания об отце захлестнули ее настолько неожиданно, что все мышцы напряглись.

* * *

Папа у Зои был бестолковый, непостоянный и совершенно, возмутительно ненадежный. Он был одержим всем, что относилось к пещерам, вплоть до летучих мышей и мокриц. Он даже был странно увлечен пещерной грязью, утверждая, что в ней ключ к отличному цвету лица. Отец имел привычку притаскивать ее домой в пакетах и пытался мазать ею лицо Зоиной матери. Та начинала хохотать и сбегала, изображая ужас. После чего он облеплял ею собственные щеки и гонялся по дому за Зоей и Джоной, рыча, как чудовище.

Так что да: ее папа был странный — что, собственно, изначально нужно, чтобы лазать по пещерам. Однако он был по-хорошему странный. Если на то пошло, он был типа потрясающе по-доброму странный. Он был сверхтощий и гибкий, и если смыкал руки над головой, как Супермен, то мог протискиваться в невероятно узкие лазы. В качестве тренировки он сгибал проволочную вешалку овалом и проскальзывал сквозь нее или пролезал туда и обратно под машиной. Именно этим он обычно занимался, когда Вэл или Даллас приходили в гости. Даллас тоже увлекался спелеологией и считал, что это просто потрясающе. Вэл старалась не смотреть на то, чем занимался Зоин отец со словами: «Не обращаю внимания — это я так не обращаю внимания».

Зоя начала спускаться с отцом в пещеры, когда ей исполнилось пятнадцать. Словом «спелеология» никто не пользовался, потому что с чего бы? Они регулярно лазили по пещерам летом и осенью, пока снег не заваливал входы, а лед не делал туннели опасными. Поначалу Зою это не особо увлекало, но ей нужна была такая возможность побыть с отцом, на которую можно было бы рассчитывать. Если речь не шла о спуске в пещеры, то не было никакой уверенности, что отец вообще появится.

Зоя притерпелась к его исчезновениям, как и к тому, что о некоторых вещах он вообще не говорил. (О своих родителях, о родном городке в Вирджинии, обо всем, что происходило с ним в молодости: эти части картины никогда не прорисовывались.) Отец любил краси-

вые жесты: взял себе фамилию Биссел вместо того, чтобы попросить Зоину маму поменять свою, и неделями бывал самым крутым папкой в мире. Тогда Зоя чувствовала тепло и заботу, словно рядом с кроватью поставили фонарик или свечу. А потом атмосфера в доме как-то менялась. Становилась пресной. Отцовский внедорожник исчезал, и неделями Зоя не получала даже эсэмэсок.

В конце концов Зоя перестала слушать отцовские отговорки. Обычно там было что-то про бизнес, который он пытается раскрутить, – что-то насчет поисков «долбаного финансирования». Когда Зоя была младше, она винила себя в том, что папа никогда не остается с ними больше нескольких месяцев за раз. Может, она недостаточно интересная. Может, она недостаточно привлекательная. Джона был еще слишком маленьким и обожал отца безоговорочно. Он называл его «Дядя папа» и относился к каждому его появлению, как ко встрече со знаменитостью.

Зоя уверилась в том, что у нее с папой всегда останутся совместные вылазки в пещеры, и перестала ожидать чего-то еще. Вот почему тот ноябрьский день, когда она проснулась и обнаружила, что отец отправился в пещеры без нее, ощущался как предательство.

Полиция искала его тело. Зоя придумала коробку «Не открывать», чтобы держать в ней воспоминания.

* * *

Зоя начала проклинать Джону, как только вышла из дома и начала искать его и собак. Видимость была не больше полуметра, а после нескольких шагов приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. Ветер, снег... словно под дых давали.

Тем временем стремительно темнело. Крышка гроба над Монтаной была готова захлопнуться.

Зоя сунула руку в карман – и ей неожиданно повезло. Она обнаружила там фонарик – и он даже работал!

У нее ушло целых пять минут, чтобы, петляя, спуститься к реке, где она видела Джону за игрой. Ни его, ни собак там не оказалось: остались только полузасыпанный «снежный ангел» и два странных размазанных отпечатка поблизости: похоже, там Джона попытался заставить собак сделать собачьих «снежных ангелов».

Она позвала Джону, но крикнуть толком не получилось: ветром ее голос отбросило назад.

В этот самый момент страх заполз ей в горло. Она представила себе, как говорит маме, что потеряла Джону, и как мамино сердце разносит взрывом, как «Звезду смерти» в Звездных войнах. Если с этим мальчишкой что-то случится, мать этого не вынесет. Зоя попыталась упрятать подальше и эту мысль, вот только коробка в ее голове оказалась недостаточно вместительной – и оттуда все начало просачиваться.

Зоя наконец нашла отпечатки Джониных снегоступов и пошла по ним вокруг дома. Быстро идти не получалось: чтобы не сбиться со следа, ей приходилось низко наклоняться к земле, словно горбунье. С деревьев отламывались ветки, и ветром их несло через двор. Каждый шаг выматывал. По спине тек пот, хоть Зое и было очень холодно. Она знала, что потеть в такой холод очень плохо: тело теряет тепло. Ей надо двигаться быстрее – найти Джону и вернуться в дом. Вот только если она будет двигаться быстрее, то станет еще сильнее потеть и замерзнет тоже скорее.

Еще одна мысль, для которой в коробке не хватило места.

Может, Джона уже дома? Да. Конечно, дома! Зоя представила его себе: лицо и руки покраснели и опухли, какао-порошок рассыпается по кухонному полу... Она сказала себе, что зря старается. Зоя шла по следам, не сомневаясь, что они приведут ее прямо к двери дома.

Однако шагах в десяти от крыльца следы повернули вниз по склону и нырнули в лес.

Зоя сделала несколько осторожных шагов между деревьями и закричала, хоть и понимала, что это бесполезно. Ей придется идти за Джоной и лабрадорами. Щеки и уши у нее горели, как от солнечного ожога. Руки, хоть на них и были перчатки, смерзлись в скульптурные кулачки.

* * *

Раньше она боготворила лес. Она выросла, бегая между деревьями, где солнце расплескивалось под ее ногами. Деревья вели к озеру, где жили Берт и Бетти Уоллес. Зое и Джоне они были вместо бабушки и дедушки. Они были рядом, даже когда их папа уезжал по своим таинственным делам, и служили неиссякаемым источником тепла, когда он умер. Но Берт и Бетти уже давно начали впадать в маразм. Этой осенью Зоя сидела с Бертом, когда тот вырезал из газеты фотографии животных и рывкал ни с того ни с сего: «Отстань, я просто психованный старый перечник!» А когда она спросила, что такое «перечник», он закатил глаза и сказал: «Отстань, все равно что пердун». Джона сидел на полу, скрутив ноги в позе лотоса, и вязал вместе с Бетти. Она научила его вязать на спицах, и это оказалось одним из немногих занятий (не считая кусания ногтей), которое снижало его гиперактивность, не давая мозгам крутиться, как идущий вразнос блендер. Вот только под конец у Бетти начали трястись руки, и она совершенно разучилась вязать. Тогда уже Джоне пришлось учить ее.

А потом, месяц назад, Уоллесы исчезли. Бетти, менее маразматичной из пары, на мгновение удалось вырваться от напавшего и затащить Берта в их грузовик. Такую теорию выдвинули следователи на основе крови, оставшейся на руле. Грузовик нашли разбившимся о дерево всего в сотне метров от их дома. Двигатель все еще работал. Двери кабины были распахнуты, а Уоллесы бесследно исчезли, если не считать других следов крови. Когда Зоя представляла себе недоуменные лица Берта и Бетти при виде злобного взгляда незнакомца, у нее сердце сжималось так больно, что становилось трудно дышать.

Дом Уоллесов так и остался стоять, пустой, как музей, пока их нотариус пытался отыскать самый последний вариант их завещания. Зоя пообещала себе, что больше никогда и близко к нему не подойдет. Это было слишком больно. Озеро у дома Берта и Бетти уже затянуло мутным серым льдом. Даже лес стал казаться страшным – непролазным и запретным: в такой в сказках заводит героиню злая мачеха.

И все-таки она оказалась на опушке леса и вынуждена была идти к дому Уоллесов. Джона прекрасно знал, что ходить под деревьями во время ветра нельзя. Однако если собаки забежали в лес, он обязательно бы за ними отправился. Спок и Ухура прожили в доме Зои уже месяц, но раньше их хозяевами были Берт и Бетти. Они могли броситься в промерзший лес, считая, что идут домой.

* * *

От их дома до Берта с Бетти нужно было идти через лес чуть больше километра. Обычно это занимало минут пятнадцать, и заблудиться было невозможно: Бетти сделала на деревьях зарубки, чтобы дети ориентировались по ним. А еще лес делился на три части, так что легко можно было заметить, если вдруг пошел не в ту сторону. Первую часть леса вырубили какое-то время тому назад (Зоина мама упорно называла это «разграбили и изнасиловали»), так что деревья у дома Бисселов были молоденькими. В основном это были серые сосны с шелушащимися стволами. Их посадили настолько близко друг к другу, что казалось, будто они теснятся, чтобы согреться.

Вторую часть Зоя любила больше всего: громадные лиственницы и дугласские пихты. Они заменяли Монтане небоскребы. Им было всего лет по сто, но они казались ровесницами динозавров, были словно частью самой планеты.

Ближе к озеру деревья погибли в непонятном пожаре еще до рождения Зои. Тем не менее они так и не упали, так что оставалось метров триста обуглившихся стволов, так и стоящих мертвыми. Это место было жутковатым и, конечно, стало для Джоны самым любимым. Именно там он устраивал свои игры в стиле «воин Апокалипсиса».

Навещая Берта и Бетти, надо было идти по тропе через молодые деревья, потом через старые и потом через мертвые. Зоя с Джоной проходили этим путем тысячу раз. Заблудиться было невозможно... надолго заблудиться. Не в хорошую погоду и днем.

После того как Зоя прошла по молодому лесу шагов двадцать, мир затих. Только воздух басовито гудел, будто кто-то дул в горлышко бутылки. Она почувствовала себя защищенной – и ей даже стало чуть-чуть теплее. Она направила луч фонарика на вершины деревьев, а потом на мрачное небо над ними, и у нее вдруг появилось странное, неосознанное желание плюхнуться в снег. Зоя тряхнула головой, избавляясь от этой идеи. Холод уже склеивает ей мозги. Если она сядет, то больше никогда не встанет.

Зоя провела фонариком широкую дугу по снегу, чтобы снова найти Джонины следы. Свет был слабым – то ли из-за садящихся батареек, то ли из-за холода, но в конце концов она их отыскала. Джона, наверное, опередил ее минут на десять, а благодаря снегоступам он шел быстрее, чем она. Это было, как в задачке по арифметике: поезд А отправляется со станции со скоростью 90 километров в час, а поезд Б отправляется спустя десять минут со скоростью 70 километров в час... Мозги у Зои слишком промерзли, чтобы найти решение, но, судя по всему, она влипла.

Дорогу к озеру Джона знал, но, похоже, он шел за собаками. Следы от их лап были рваными и резкими. Может, они играли. Может, гонялись за куропатками или дикими индейками, которые порой пережидали метели под кронами деревьев. А может, они просто бесились из-за сильного мороза.

По следам снегоступов Зоя видела, что Джона гонялся за собаками. Она не могла определить: то ли он весело играет, то ли перепуган и уговаривает их вернуться. Мысленно она твердила: «Просто поверни домой, Джона. Это бред. Просто брось собак. Просто уйди». Вот только она знала: он не бросит собак, как бы страшно ему ни стало. Это ее злило, но и заставляло еще сильнее его любить.

Она продолжала плестись по лесу. Что было отвратительно. «Вытащи правую ногу из снега, подними, снова поставь. Вытащи левую ногу, повтори то же. Повтори, повтори, повтори». Зоя начала терять счет времени. Сто метров она проходила целую вечность... и еще сильнее замедлилась, когда ей пришлось перебираться через упавшее дерево. У нее заболели голени и колени, а потом – спина и шея. И она заиклилась на дырке в верхней части шапки, где раньше была кисточка. Зое казалось, что дырка все расширяется и расширяется, и чувствовала, как ветер запускает ей в волосы колючие пальцы.

После минут двадцати Зоины щеки, которые были отчасти открыты, стали обжигающе горячими. Она собралась было стащить перчатки и каким-то образом содрать с лица кожу, но в последний момент поняла, что это полный бред. Она и ее мозг перестали играть в одной команде. Это жутко перепугало ее.

Уклон закончился, и Зоя увидела впереди громадную старую пихту. «Молодые деревья, старые деревья, мертвые деревья». Она прошла по лесу почти треть пути. Зоя приказала себе идти, не останавливаясь ни за что, пока не сможет прислониться к этому первому гигантскому дереву. Тогда все снова станет реальным.

Шагах в десяти от пихты Зоя споткнулась обо что-то, скрытое снегом, и плюхнулась на живот. Голову прострелило болью. Она ударилась о камень или пенек и почувствовала, как у

нее на лбу наливается шишка. Стащив перчатку, она дотронулась до ушиба, а когда отняла руку, то пальцы оказались темными от крови.

Зоя решила, что все не так уж страшно.

С трудом ей удалось встать сначала на колени, а потом и на ноги. И, сделав первую пихту своим финишем, она прошла оставшиеся несколько метров. Добравшись до дерева, она привалилась к стволу и ощутила волну облегчения: как бы погано все ни было, рождественской ели не радоваться невозможно.

Теперь Зоя была уже во второй части леса – и пройти оставалось чуть больше половины километра. Деревья были мощными: они возносились к небу и росли на достаточном расстоянии друг от друга, так что до нее стали доходить жалкие остатки дневного света. Здесь следы Джоны и собак стали четкими и ясными. Похоже, теперь они шли по тропе. Она снова двинулась вперед, стараясь не думать ни о чем, кроме ритма собственных шагов.

Она рисовала себе, как найдет Джону и поведет домой. Представляла, как будет заворачивать его в одеяла, пока он не начнет с хохотом протестовать: «Я! Тебе! Не! Рулет!»

Зоя провела на улице уже минут тридцать или сорок, а температура упала уже чуть ли не до минус двадцати пяти. Ее трясло, словно от удара током. Когда она прошла примерно половину расстояния по старому лесу, все тело болело и вибрировало, словно камертон. А буран вроде как еще усилился. Лес вокруг нее начал распадаться. Ветер отрывал ветки и расшвыривал их во все стороны. Целые деревья падали и ложились поперек дороги, перепораживая ее.

Она остановилась отдохнуть у дерева. Пришлось. Зоя повела фонариком, пытаясь понять, сколько осталось до озера. Вот только пальцы у нее ослабели, и фонарик выскользнул из них, упав в снег.

Свет погас.

Зоя упала на колени и стала искать фонарик. Сумерки сгустились, так что ей пришлось шарить по снегу. Ее колотило все сильнее: сначала казалось, что она дотронулась до электрической изгороди, а теперь нервы дергало так, что, по ощущениям, Зоя сама стала электрической изгородью... но это ее не волновало. Не волновала ее ссадина или царапина, или что там пульсировало болью на лбу. Ее не волновало то, что под снегом прятались ветки и колючки и что они царапали ей кожу даже сквозь перчатки. У нее все равно уже почти пропала чувствительность. Простояв на коленях несколько минут – может, две, а может, и десять, она уже понятия не имела, – ей удалось что-то нащупать в снегу. С радостным криком (или, скорее хрипом) она вытащила находку. Вот только это оказался не фонарик.

Это была одна из Джониных перчаток.

Череп на тыльной стороне светился перед ней, пустые глазницы напоминали ямы.

Она представила себе, как Джона ковыляет по лесу с громким плачем. Она представила его руку – заочневшую, красную, пульсирующую болью. Представила, как он умоляет собак вернуться домой. (Конечно, сейчас он уже должен был перейти на мольбы.) На секунду его лицо предстало перед ней. Он походил на отца, так что Зоя до сих пор невольно ежилась: взлохмаченные темные волосы, глаза, которые должны были бы оказаться голубыми, но на самом деле были странного холодного зеленого цвета. Единственным отличием было то, что щеки у Джоны были кругленькие. «Благодарение Богу, что он еще по-детски пухленький», – подумала Зоя. Потому что сегодня это может спасти Джоне жизнь.

Она нашла фонарик и – о, чудо! – в нем еще теплилась жизнь. Зоя поднялась на ноги и двинулась дальше.

В нескольких шагах от первой перчатки она нашла вторую.

А еще через десять шагов – Джонину куртку.

Это был толстый пуховик, залатанный изолентой, – Джона оставил его висеть на корявом пне.

Теперь брат виделся Зое оцепеневшим, дезориентированным – и кожа у него зудела и горела, словно ползая по всему телу. Она представила себе, как он сдирает с себя одежду и бросает ее в снег.

Она выбилась из сил. И перепугалась. И была невероятно зла на идиотских псин, которые не догадались оставаться у дома, которые не поняли, что ее чудесный братик пойдет за ними сквозь метель все дальше, дальше и дальше. Пока это его не убьет.

Ей пришлось избавляться от этой ужасающей картины. Она попыталась придумать что-нибудь оптимистическое. Зоя вспомнила: когда они играли с папой в прятки, Джона неизменно забивался в одно и то же место – в старый морозильник, стоявший в подвале без дела уже много лет. Она вспомнила, как они притворялись, будто понятия не имеют, где Джона, хоть и видели, как он пальчиками придерживает крышку, чтобы впускать воздух. И она представила себе, как сияло у Джоны лицо, когда они с папой делали вид, что сдаются, – и Джона откидывал крышку и появлялся перед ними, словно иллюзионист в конце смертельно опасного трюка.

– Вот он я! – радостно вопил он. – Вот он я! Вот он я!

На несколько секунд это воспоминание согрело ее. А потом исчезло, словно звезда, которую погасили навечно.

* * *

Зое удалось добраться до конца пихтового леса – до того места, где лес внезапно умирал, сменяясь обугленными стволами и пнями. Она несла куртку и перчатки Джоны, прижимая сверток к груди. Она все еще надеялась отыскать Джону или просто решила доковылять последние сотни метров до дома Берта и Бетти, чтобы там рухнуть? Она и сама не знала. Холод стер все, что в ней было. Она стала пустым местом. Превратилась в зомби, ковыляющего вперед просто потому, что не знает, что еще можно делать.

Фонарик высветил что-то: черную кочку, едва торчащую над снегом.

Зое следовало бы обрадоваться находке, но вместо этого ее затопил ужас. Что бы ни лежало здесь в снегу, оно не шевелилось.

Она не хотела подходить ближе. Не хотела знать, что это.

Она не хотела, чтобы это оказался ее брат.

На следующие пять метров ушло несколько месяцев. И даже когда Зое оставались всего считанные шаги, даже когда свет фонарика упал прямо на это, залив его тошнотворно-желтым светом, она так и не смогла разобрать, что это такое. Ее голова отказывалась понимать, отказывалась регистрировать это.

Она заставила себя подойти. Нависла над этим. Посмотрела вниз. Это было что-то темное и перекрученное. Оно казалось безжизненным и неподвижным. Зоя затаила дыхание и приказала своим глазам присмотреться.

Это оказались собаки.

Поскольку обе были черными лабрадорами, невозможно было понять, где кончается шерсть Спока и начинается шерсть Ухуры: они походили на темный половик, брошенный на снег. Зоя опустилась на колени. Они выкопали небольшую ямку, чтобы спрятаться от ветра. Сняв перчатку, она приложила ладонь сначала к одному псу, а потом к другому.

Они дышали! У нее около сердца словно затрепетали птичьи крылья.

Собаки были заторможены, оказавшись между сном и чем-то гораздо худшим. Они только через минуту заметили, что Зоя гладит им животы. Спустя какое-то время они начали шевелиться и ворочаться в своей ледяной постели. Спок фыркнул, выпустив в воздух облачко пара. Ухура повернула голову к Зое. Казалось, она ее узнала и рада ее появлению. Зоя была слишком вымотана, чтобы заплакать, иначе непременно разрыдалась бы.

Спок и Ухура еще повозились, пытаясь проснуться. Когда тела собак раздвинулись, снова превращая их в двух отдельных животных, Зоя наконец увидела то, что должна была заметить сразу же – и увиденное заставило ее горько пожалеть о том, что называла их идиотскими псинами. Они были чудесные собаки! Отважные, блестящие, роскошные собаки Монтаны!

Потом что они лежали на чем-то. Или на ком-то. Они выкопали лапами яму и затащили его внутрь: она заметила то место, где капюшон у него разорвали зубы, а потом улеглись на него. На Джону. Они улеглись на ее брата, чтобы его согреть.

2

Джона был неподвижным, словно манекен.

Зоя завернула его в куртку. Она подышала на его замерзшие пальцы, пытаясь их отогреть, хоть ей с трудом удавалось выдыхать. Зоя взяла его на руки. Она решила, что придется возвращаться за Споком и Ухурой, но они встряхнулись и выбрались из ямы, напоминая каких-то древних снежных тварей. Спок заскулил. Ему трудно было смириться с тем, что от него требуют. Ухура рыкнула на него, словно говоря: «Прекрати!»

А потом Зоя побежала. Через мертвый лес, к дому Берта и Бетти. Сначала она несла Джону на руках, а когда они устали настолько, что казалось, вот-вот отломятся, она взвалила его себе на плечо. А когда плечо начало отваливаться, она переложила его на другое. Ее так трясло, что направлять фонарик не получалось, и луч бешено прыгал перед ней. Она чудом не врезалась ни в одно из деревьев и не раскроила себе и Джоне головы. Она бежала, словно зверек. Сердце у нее стучало не только в грудной клетке, но и в ушах – громко, как будто кто-то колотил палкой по пустому ведру.

Самое смешное, что двигалась она, наверное, со скоростью сто метров в час – ковыляла по снегу, словно пьяный йети. Но Зоя все-таки приближалась к цели. Она двигалась вперед. Когда она наконец увидела между деревьями дом Берта и Бетти, то не выдержала и заплакала. Даже собаки залаяли – почти радостно. Вернее, Ухура радовалась, а вот Спок вроде как повизгивал: «Пришли наконец?»

Зоя засмеялась и прошептала Джоне:

– Господи, Спок такой слабак!

Он был в отключке и не ответил, но она чувствовала его детское дыхание у своей груди, сильное, но достаточно ровное: вдох – выдох, вдох – выдох... и этого ответа ей хватило.

* * *

Дом Берта и Бетти был похож на большую букву «А». Он стоял примерно в семидесяти метрах от озера, на участке в пару акров, который тогда огонь пощадил, хоть пламя и металось вокруг. Небо было уже совсем черным. К тому моменту, когда Зоя добралась до крыльца с начавшим выкручиваться Джоной, буран начал стихать. Дверь была не заперта. Это должно было ее удивить (полицейские опечатали дом, а Зоина мама проверяла его каждые несколько дней), но ее мозг не в состоянии был обрабатывать информацию. Он только сигнализировал ей: «Укрытие, укрытие, укрытие».

Зоя приглашающе открыла дверь перед Споком и Ухурой, но они замерли на крыльце. В дом их никогда не впускали.

– Вперед, – только и хватило у нее сил сказать.

Они переглянулись и забежали в дом.

Фонарик сдох, так что Зоя в темноте на ощупь пробралась в гостиную и положила Джону на диван. Там она навалила на него пледы, подушки – даже старинное лоскутное

свадебное одеяло, которое сорвала со стены. Он произнес одно лихорадочное слово («Я?»), а потом провалился в сон, словно камень, брошенный в колодец.

Зоя нашла лампу, но электричество отключили. Отопление тоже. И, наверное, воду и телефон. Ее это не смутило. В доме было намного теплее, чем в лесу: этот диван вполне мог бы сойти за шезлонг на пляже. И они дошли. Они ДОШЛИ! Теперь, когда она смогла уложить Джону, рукам стало так легко, что они чуть ли не всплывали вверх.

На полу лежал круглый вязаный половичок. Она подняла его, вытряхнула пыль и закуталась в него, словно в плащ. Он был колючий и жесткий, но ее это не смутило. В комнате стоял запах, которого тут не должно было быть – от сигарет, но она сказала себе, что и это ее не волнует. Зоя заметила засаленный спальник, валяющийся у камина, словно сброшенная змеиная шкурка. Его здесь быть не должно. А еще на полу стояло много пустых бутылок из-под спиртного, все разные – словно городской силуэт в миниатюре. Их тут тоже быть не должно. Но ей все равно, все равно, все равно.

Но вот собаки были встревожены: они принюхивались, рычали и совались во все углы.

Зоя на них шикнула.

– Тут только мы, цыплятки, – сказала она.

Эти странные слова она слышала от матери.

Мать!

Зоя полезла в карман за мобильником, но так далеко в лесу сигнала не было, так что позвонить не получалось. Оно и к лучшему. Ей бы пришлось отвечать на бесконечные вопросы, уточняющие вопросы и уточнения к уточняющим вопросам. Она слишком устала, чтобы все объяснить, а уж тем более объяснить все-все.

Зоя знала, что если маме не удастся вернуться домой, то она переночует на диване у своего приятеля Руфуса. Руфус был милый, стеснительный и такой худой, что напоминал палку, которая каким-то образом отрастила бороду и напялила футболку с логотипом группы Phish. Он был скульптором. Его коньком были вырезанные пилой медведи, вроде того, которого он поставил у дома Бисселов. В зависимости от времени года он изготавливал их из обрезков дерева или изо льда. («Резать по льду эпично, старик, – сказал он им. – Это верх крутизны».) Зоя считала, что Руфус тайно влюблен в маму. Она надеялась, что когда-нибудь он в этом признается. Мама старалась быть сильной ради детей, но Зоя видела, сколько в ней накопилось печали после смерти их отца. Эта боль всегда присутствовала, словно фоновая музыка.

Зое надо сообщить маме, что у них все в порядке. Она застонала при мысли о том, что ей еще придется тратить на что-то силы: она и так готова была крепко заснуть прямо сидя, завернувшись в половик, похожий на громадную лепешку. Но прежде чем закрыть глаза, Зоя заставила себя сделать последние две вещи. Она проверила, как Джона. Он лежал рядом и тихо похрапывал, словно игрушечная машинка. Щеки у него горели, но, судя по всему, он был в основном в норме.

А потом она послала маме сообщение из одного слова. Она понимала, что эсэмэс не пройдет, что придется жать «повторить отправку», но все равно это сделала.

Она передала: «Целы».

* * *

В 7.30 Зоя уснула достаточно крепко, чтобы ее посетил кошмар. Она попала в белую комнату с голым деревянным полом. Вокруг нее были прикованы звери. Она не знала, что это за звери: возможно, это были вымышленные твари, созданные ее мозгом, но они злобно скалились и рычали: сплошные зубы, когти и слюна. И они рвались на своих цепях, яростно пытаясь выдрать крепления из стен. Зоя стояла в центре комнаты. Они были в считанных сан-

тиметрах от нее со всех сторон, завывали и верещали. А потом в комнате почему-то пошел снег. Она подняла лицо, позволяя снежинкам садиться на него. На секунду ей стало легче. А когда Зоя снова опустила взгляд, рядом с ней внезапно очутился Джона. Он сказал, что сразится с тварями и спасет ее. Она ему запретила. Велела ему не двигаться, застыть неподвижно. Вот только звери завывали так громко, что он ее не расслышал и решил, что она сказала: «Да, Джона, убей их. Убей их всех».

Последнее, что она запомнила, – это что Джона говорит: «Ага, обязательно» – и шагает навстречу этим влажным блестящим клыкам.

Она бесконечно долго выныривала из этого сна. Но вой последовал за ней в реальность: это Ухура стояла у двери, устраивая безумный шум. Лаяла она на удивление громко. Шум присутствовал в комнате как нечто осязаемое. Зоя лишилась способности думать.

Что до Спока, то он забился под половику: видна была только громадная трясущаяся кочка.

Зоя подошла к двери, опасаясь прикасаться к Ухуре в ее взвинченном состоянии.

– В чем дело, подружка? – мягко спросила она. – Ш-ш! Все хорошо, все хорошо.

Она вытянула руку, чтобы погладить собаку по холке, но Ухура огрызнулась на нее (чего вообще никогда и ни с кем себе не позволяла) и начала бросаться на дверь. Она ударилась в нее три раза, громко, словно стучал какой-то монстр.

– Тебе пописать приспичило? – спросила Зоя.

Она открыла дверь. Ухура выскочила на улицу, и Зоя вышла следом, всем существом радуясь прекращению лая.

Было довольно темно. Луны не было, но свет откуда-то шел, потому что озеро сияло. Буран уже миновал. Остался только небольшой снегопад. Зоя содрогнулась и заметила, как сильно у нее болит все тело. Казалось, все ее кости скрепляла одна только боль.

Она осмотрелась, ища Ухуру, и начала беспокоиться о том, как утром будет возвращать Джону домой.

И тут Зоя увидела грузовик, мчащийся по дороге к дому, поднимая колесами снег.

Это был уродливый покореженный старый пикап. Формально его надо было назвать черным, но его столько латали, что кузов наводил на мысль о какой-то кожной болезни. Водителя Зоя не разглядела. Она видела только руку, держащую в окне сигарету. Секунду она в полутьме смотрела, как красная точка сигареты все приближается и приближается. Это завораживало.

Когда она опомнилась, то увидела, что Ухура летит по дороге к грузовику – прямо ему навстречу, не сворачивая, словно могла остановить его своим телом. Зоя даже закричать не успела.

* * *

Водитель либо не увидел собаку в свете фар, либо наплевал на нее. Примерно в тридцати метрах от дома раздался жуткий удар. Тело Ухуры отлетело в сугроб.

Снег падал как ни в чем не бывало.

А водитель ехал дальше. Он затормозил у дома. Вышел. Сунул новую сигарету в свои мерзкие обветренные губки и, даже не бросив взгляд назад, чтобы проверить, что стало с Ухурой, повернулся к Зое.

Выглядел он отвратно. Пожилой, с седеющим ежиком и рябинами от угрей. Его одежда – широкие черные брюки и белая рубашка в синюю полоску – явно покупалась когда-то для того, чтобы производить на окружающих впечатление, но хорошие вещи явно мало ему помогли, потому что сейчас стали настолько грязными, что даже стиральная машина их с отвращением выплюнула бы.

Зоя сбежала с крыльца и встала на колени в снег рядом с Ухурой. Собака получила встряску, но была жива.

Мужчина не сказал ни слова. И не подумал извиняться. Просто стоял и возил по Зое глазами, которые оставляли сопливые следы, как слизняки. Мужчины так на нее смотрели с тех пор, как ей исполнилось двенадцать. Когда она заговорила об этом с матерью, та сказала:

– Зоя, присядь на минутку. Мне пора объяснить тебе, что значит выражение «мерзкий паскудный извращенец».

Зоя и сейчас обожала ее за это.

Этот конкретный паскудник ухмылялся так, что у нее вены начали дергаться.

– Ты сбил мою собаку! – возмутилась она. – Спятил?

Он захохотал, а взгляд его стал жестким.

– Это не твоя собака, – сказал он. – Хотя пара стариков и окочурилась, это не значит, что тебе можно прийти и забрать их собак. – Он отбросил сигарету на дорогу, и она с шипением утонула в снегу. – А где вторая – трусливая?

Он знал Спока с Ухурой!

– Ты кто? – спросила Зоя.

– Кто я? Я тот, кому не нравится стоять на чертовом холоде. А еще я тот, кто терпеть не может вопросов. Так где чертов второй пес?

– Это вопрос, – сказала Зоя.

Мужчина отрывисто хохотнул.

– Ну, надо же, какой язычок у нее! Вот что, деваха: зови меня Стэном, хорошее имечко, а? Стэн Мужик. А я буду тебя звать... Зоя. Как тебе это?

Он знал и ее тоже!

– Немного сбавила обороты, да? – добавил он.

Ухура выбралась из сугроба. Она стряхнула снег со шкуры и снова зарычала. Стэн шагнул к собаке – и выражение его лица Зое не понравилось. Ухура зарычала громче, словно ракета, готовая к старту. Зоя встала между ними. Никакого плана у нее не было.

– А она тебя знает, – сказала она. – И ненавидит.

– Ну, мы с этой сучкой уже встречались, конечно, – ответил он. – И вообще я предпочитаю кошек.

Он остановился в паре шагов от Зои – так близко, что она почувствовала запах сигаретного дыма из его рта и затхлое дыхание, которое дымом не перебивалось. Вблизи стало видно, что следы от угрей такие глубокие, будто ему в лицо попал заряд дроби.

– Ну что, посторонишься? – поинтересовался он. – Я приехал просто поискать денег, но, похоже, сначала надо будет надрать псинке зад.

Зое было страшно – и она не знала, что ей делать. Похоже, он это понял, потому что не стал ждать ответа.

Он бросился на нее.

Все произошло стремительно. Стэн повалил Зою на дорогу. Ухура набросилась на него и укусила за руку – так сильно, что он завопил. Оказалось, что Стэн тоже порядочный трус.

Ухура не разжимала челюсти. Стэн разразился ругательствами и закружился от боли. Собака продолжала висеть у него на руке, даже когда лапы у нее оторвались от земли.

– Мать Божья! – заверещал Стэн. – Я прихлопну эту тварь!

И тут, словно ниоткуда, ему чем-то прилетело по голове. Камнем. У него по уху потекла кровь. Стэн выплюнул многоэтажное ругательство. Они с Зоей одновременно развернулись к крыльцу, где стоял Джона с яростным выражением лица.

– Это я сделал, Зоя! – гордо объявил он. – Я в него попал! Это был я!

Стэн рванулся к Джоне, но Ухура так его и не отпустила. Она была в неукротимой ярости. Это выглядело так, будто человек схватился с аллигатором.

Зоя взбежала на крыльцо к Джоне. Он крепче обнял ее за талию, а потом разжал кулак: на розовой ладошке была целая горсть камней.

– Я в него снова попаду! – пообещал он.

– Не надо, Джона! – попросила она. – Он дерется нечестно, поэтому мы драться не будем. Ладно? Скажи: «Ладно»! Скажи так, чтобы я тебя услышала!

– Ладно, Зоя. Я больше не буду в него кидаться. Но я бы попал!

Стэн наконец зашвырнул Ухуру в кабину и запер ее. Собака заскреблась в окно. Ее дыхание затуманило стекло. Смотреть на это было страшно. Джона уткнулся лицом Зое в куртку.

Стэн обливался потом. Его трясло от ярости, и он тер свой ежик, пытаясь успокоиться. Кровь текла по его правой щеке. А по левой размазалась тушь: похоже, он подвел себе бровь. Когда ее смыло потом, Зое стало видно, что на черной брови выделялся мерзкий пучок белых волос.

Стэн залез в кузов, поднял заваленный снегом брезент и вытащил что-то, в темноте напоминавшее кочергу. Он пошел к Джоне и Зое.

Он наставил на них кочергу, словно ружье.

– И где, – прохрипел он, – этот второй... траханий... пес?

Зоя не ответила, но Джона рванулся в дом, что стало ясным ответом. Она бросилась за ним и закрыла задвижку, как только они оказались внутри. Шаги Стэна прогремели по ступенькам.

* * *

В гостиной Джона придвигал к двери журнальный столик, строя баррикаду. Ее брат умел строить отличные крепости. Ну... ее брат построил множество крепостей.

Уже через пару секунд Стэн начал колотить во входную дверь.

Зоя попыталась вызвать полицию. Связи не было. Сообщение для матери до сих пор не ушло – как самолет, которому так и не разрешили взлет. Она пожалела, что мать не прочитала, что они в безопасности, в тот момент, когда это действительно было правдой.

А в следующий момент Стэн уже отпихнул журнальный столик и ворвался в гостиную, хрипло и часто дыша. Зоя и Джона бросились за диван, чтобы между ними и незванным гостем оказалось хоть что-то. Джона выставил перед собой цветастую диванную подушку, словно она могла послужить ему защитой, и даже в этой ужасной ситуации у Зои при виде этого защемило сердце.

Стэн не обратил на нее внимания: он навис над Джоной.

– Эй, малыш, я тот самый Стэн Мужик, – сказал он. – Где второй пес?

Он ждал ответа, но с таким видом, что было понятно: долго он ждать не намерен.

Спок прятался под ковром, из-под которого торчал только самый кончик хвоста. Не будь Стэн так разъярен, он бы сразу его заметил. Зоя мысленно приказала себе – и Джоне – не смотреть в сторону собаки.

Пока Стэн стоял так, тяжело дыша, она впервые обратила внимание на то, какая у него нелепо большая голова и как неловко она качается на тонкой шее. Он был похож на вялый подсолнух.

– Не смей говорить с моим братом! – потребовала она.

Это была не храбрость. Это было отвращение.

Джона придвинулся к ней. Он больше не притворялся смелым. Уже через мгновение он расплакался так сильно, что у него плечи затряслись.

Зоя убрала упавшие ему на лоб прядки. Она пообещала ему, что все будет хорошо.

– А вот нечего ему такое обещать. – Стэн застонал, и его седая бровь изогнулась, словно гусеница. – Это называется «ложь». Потому что, дьявол меня заberi, все не будет хорошо. На самом деле все будет просто отвратительно, если ты не скажешь, где этот чертов пес.

Он раскрутил кочергу, словно дубинку. Ему хотелось, чтобы это выглядело угрожающе, но он чуть не уронил ее себе на ногу.

Джона попытался заговорить. В конце концов ему удалось выдавить из себя сквозь слезы:

– Т-ты что с-сделаешь со Сп-споком?

Стэн хмыкнул.

– Просто искупаю, малыш.

– Не разговаривай с моим братом!

– Я т-тебе не верю. И не з-зови меня малышом. Меня так папа называл.

Это на секунду заставило Стэна заткнуться, но потом он сказал нечто запредельно мерзкое:

– Я знал твоего папу, малыш. Познакомился, когда он был таким же карапузиком, как ты.

– Не смей разговаривать с моим братом!

– Твой старик про меня не вспоминал, малыш? А ведь когда-то мы с ним были побратимами! Но, наверное, он и словом не упомянул о... черт, да о первых двадцати годах своей жизни, скорее всего! Ты ведь почти и не знал, кто он. А потом он погиб в какой-то проклятой пещере? И никто даже не потрудился пойти и забрать его тело? Что вы за люди такие?

– НЕ СМЕЙ РАЗГОВАРИВАТЬ С МОИМ БРАТОМ, ПСИХОВАННЫЙ УБЛЮДОК!

Наступила тишина: патовая ситуация. Слышен был только ветер.

И тут Спок чихнул.

Стэн развернулся к кочке под ковром и торжествующе ухнул.

– Типично! – бросил он.

Он схватил пса, завернул в ковер и сунул себе подмышку.

– Трусишке пора искупаться, – объявил он, махнув в сторону замерзшего озера. – Надеюсь, он не против холодной воды.

Он постучал острым концом кочерги об пол, словно тростью.

– Не ходи за мной, старшая сестренка, – приказал он Зое, снова мазнув по ней склизким взглядом. – Или пожалеешь.

Как только он ушел, они с Джоной потрясенно плюхнулись на диван. Спустя секунду она обхватила его лицо руками, чтобы убедиться, что он ее слушает.

– Мне надо туда, – сказала она, – чтобы вернуть собак. И мне надо, чтобы ты оставался здесь. Ладно, Джона? Мне нужно, чтобы ты сказал «Ладно». Ты можешь сказать мне «ладно», честно пообещать?

Джона начал вырываться, так что Зое пришлось его отпустить. Тогда он свел брови, словно это учитель велел ему хорошенько подумать.

– Ладно, я н-не выйду из дома, – сказал он.

– Спасибо, – поблагодарила его Зоя.

– Но и тебе нельзя выходить. Этот т-тип дерется н-нечестно, так что мы не будем драться. Правда? Ты сама сказала.

– А если я всего на пять минут?

– Нет, Зоя.

– Ладно, а если всего на две?

Она старалась его успокоить, немного поддразнивая, торгуясь, как это всегда делал он сам.

– Нет, Зоя! Ни минутки. Ты мне нужна здесь. – Он замолчал, подыскивая слова. – Даже мне иногда бывает страшно.

Зоя поняла, что, если она выйдет из дома, Джона пойдет за ней, а так рисковать она не могла. Так что она поступила не по-геройски, хоть сама себя и презирала. Она осталась на диване, обнимая брата за плечи и следя, чтобы он даже не смотрел в окно, которое находилось позади них. Отвлечь его оказалось не так трудно, как она боялась. Они отыскивали корзинку с вязальными принадлежностями Бетти, и Джона начал штопать дыру на Зоиной шапке. Какое-то время в комнате слышен был только перестук спиц, и только один раз Джона остановился и укоризненно сказал ей:

– Ты плохо следишь за своими вещами!

* * *

Зоя тоже старалась не смотреть в окно. Она не стала смотреть, когда услышала, как Стэн идет мимо окна к озеру, скрипя сапогами по снегу, а Спок скулит в ковре. Она не стала смотреть, когда Джона начал тереть глаза и произнес те фразы, которые всегда говорил, когда его организм начинал отключаться из-за переутомления и он уже балансировал на грани сна:

– Я не устал. Просто глаза болят.

Она даже не стала смотреть, когда он уронил спицы и уснул, пристроив голову у нее на коленях.

Однако потом она услышала, как Стэн крошит лед на озере своей кочергой, стараясь пробиться к воде. Тогда она посмотрела.

Он делал во льду дыру, чтобы утопить собак.

На журнальном столике нашелся бинокль. Зоя его схватила. Ночь была черная, беззвездная. Пустая. Мир просто... отключился.

Стэн работал при свете фар своего грузовика. Удерживая Спока, он врубался все глубже и глубже. На мгновение пес сумел вывернуться из рук Стэна, но ему не удалось бежать по льду достаточно быстро. У него разъезжались лапы, он отчаянно скользил – и в итоге Стэн поймал его за загривок и бросил в прорубь.

А потом Стэн сапогом удержал голову Спока подо льдом.

Убедившись в том, что псу не вылезти, он побежал к машине за Ухурой.

В течение следующих нескольких секунд Стэн не мог видеть того, что увидела Зоя.

Он не увидел, как озеро начало светиться: сначала чуть-чуть, а потом (хоть это и было совершенно непонятно) все ярче и ярче, так что в конце концов стало казаться, что воду покрывает не лед, а огонь.

И он не увидел того, кто двинулся к ним с дальнего берега озера, шагая по льду. Движение оставалось совершенно спокойным – да, но по скорости могло поспорить с конским галопом.

Зоя уже стояла у окна, даже не заметив, как встала и подошла к нему. Позднее она поняла, что дело было в окне: именно благодаря ему она смогла наблюдать за происходящим, не считая, что сошла с ума: створка окна не просто отделяла ее от того, что там происходило, но и напоминала экран... а, честно говоря, по телевизору она видела массу безумных вещей.

Она вышла из гостиной. Из дома. Ее словно на поводке тащили.

Стэн захлопнул дверцу грузовика. Ухуру он зажал под мышкой: теперь пришла ее очередь «принять ванну». И он рукой перехватил ей морду. Собака была в ярости, но ничего не могла поделать.

Зоя видела в бинокль лицо Стэна с тот момент, когда он повернулся к озеру и увидел, как оно пылает в темноте – и тогда, когда он заметил мчащую к нему тень, мгновенно переносящуюся на сотни метров.

Стэн пришел в ужас.

Однако почти тут же его лицо снова стало нахальным и мерзким, словно он был уверен, что тупость – это защита от всего что угодно.

– И что это за чертово дерьмо? – спросил он.

Стэн только договаривал последнее слово, когда темный силуэт оказался рядом с ним. Он бросил Ухуру, чтобы защищаться. Собака кинулась к Зое, стоявшей в темноте, и запрыгнула ей на руки.

Стараясь казаться опасным, Стэн поднял кулаки. Вместо этого вид у него получился нелепым. Он прыгал вокруг незнакомца, словно престарелый боксер.

Незнакомцем был Икс, хотя это имя Зоя даст ему спустя много дней.

Икс был таким бледным, что создавалось впечатление, будто его лицо само по себе светится. С такого расстояния она не могла определить его возраст, хоть и разглядела, что у него чудесные длинные волосы, которые на самом деле были взъерошенными и неухоженными, а не просто казались такими благодаря услугам парикмахера. На нем было длинное пальто – темно-синее, с перламутровым блеском, словно на мыльном пузыре. Шапки, перчаток и шарфа на нем не было, но казалось, холод все равно его не беспокоит. Лицо его блестело от пота, как бывает при высокой температуре.

Икс не сказал ни слова. Он сгреб Стэна за куртку и швырнул на светящийся лед. Он проделал это без гнева. Он действовал не как герой боевика. Икс просто сделал это так, как будто это надо было сделать.

Он даже не посмотрел на Зою, но она не сомневалась, что Икс знает о ее присутствии.

Стэн проехал по замерзшему озеру к проделанной им проруби и там затормозил. Одна щека у него покраснела, ободранная об лед.

В мгновение ока Икс встал над ним.

Стэн поднял голову, пытаясь понять, что происходит и каким образом он перестал контролировать ситуацию.

– Не знаю, чего тебе надо, суперурод, – сказал он, – но по-любому ты этого не получишь. Это моя вечеринка.

Икс по-прежнему молчал. Зоя поняла, что он не потрудится ответить, пока кто-то не скажет что-то такое, на что стоило бы реагировать.

Икс подошел к полынье и вытащил Спока. Мокрый пес трясся, словно новорожденный щенок, но на руках у Икса моментально согрелся. А потом Спок сделал то, что раньше делал только с Джоной и с ней самой, – лизнул Икса в щеку. Икс неуверенно погладил пса по голове, словно не очень-то хорошо знал, как это делается. Это была мелочь, но после всего, что Зоя пережила за последние часы, у нее от этого жеста навернулись слезы.

Она бросила бинокль в снег и подошла ближе. Почему-то ей было не страшно. Ей хотелось, чтобы Икс ее увидел.

Кто он? Почему он здесь? Почему он старается на нее не смотреть?

Пока Икс успокаивал Спока, Стэн попытался встать.

Икс только отрицательно качнул головой – и у Стэна разъехались ноги. Он повалился обратно на лед.

Икс снял пальто. Под ним оказалась грубая рубаша с короткими рукавами, хотя, если честно, Зоя смотрела только на его руки. Они были перевиты мышцами и покрыты примитивными татуировками, в том числе, каких-то зверей, которых она не смогла опознать.

Он завернул Спока в свое пальто и бережно его положил. Пальто мерцало в темноте, словно догорающий костер.

Он повернулся к Стэну, который, как идиот, продолжал считать, что сможет как-то отболтаться.

– Ладно, суперурод, – сказал Стэн. – Говори, что тебе надо, и, может, ты это получишь. Я человек более-менее сговорчивый.

* * *

То, что стало происходить дальше, походило на ритуал какого-то тайного лесного сообщества или, может, на что-то из Средневековья: суд, на котором все заранее знают, что решением будет «виновен».

Икса трясло, но все, что он делал, делалось уверенно и последовательно. Казалось, он сожалеет, что его отправили на озеро. А у Зои сложилось впечатление, что его сюда послали... или, может, даже вынудили прийти. Он все еще на нее не смотрел, но то, как четко у нее вдруг появились эти мысли – не как теории или догадки, а как факты и определенность – заставило ее решить, что он каким-то образом сам их ей передал. Но как такое возможно?

Стэн уже стоял на коленях и пытался выпрямиться.

Икс положил руку ему на плечо – и Стэн замер неподвижно: в полном сознании, но застыв на месте.

Икс отошел на несколько шагов, повернулся к Стэну спиной и стащил с себя рубашку. Плечи у него были широкие, а талия узкая, как у пловца. В отличие от кожи на руках спина у Икса оказалась гладкой и нетронутой. Зоя почему-то решила, что кто-то (или что-то) не тронул ее специально. Она честно не знала, ее ли эта мысль или полученная от него.

Икс широко развел руки. Лопатки сверкнули в темноте – и спина стала еще шире.

Зоя ничего не смогла с собой поделать: она сделала снимок, чтобы потом вывесить его в «Инстаграмме».

Казалось, Икс что-то призывает. Он издал резкий крик, словно пытаясь вывести из своего организма какую-то болезнь. А потом на его спине ожили изображения.

Его спина превратилась в экран.

То, что отображалось у Икса на спине, было похоже на любительское видео: дрожащее, вызывающее головокружение, хаотичное... и при этом оно было каким-то неземным. Они со Стэном заворуженно смотрели. Стэн оставался неподвижным: казалось, его скрутил и связал сам воздух. Зоя стояла в темноте неподалеку. Они смотрели потрясенно, а потом – с ужасом, но по разным причинам.

Зоя вдруг подумала, что Джона мог проснуться, что он сейчас может смотреть из гостиной. Она тут же оглянулась на дом.

Окна были темными. Возможно, брат и стоял у одного из них: определить это было невозможно.

Зоя снова повернулась к экрану. На нем были Берт и Бетти. Они скрючились в гостиной этого самого заглавного «А» у озера. Они оцепенели от страха. Кто-то ходил вокруг них. Кто-то, ворвавшийся к ним в дом.

Зое не видно было лица незваного гостя – она видела только небольшую его часть, словно тонкий месяц. Однако она все равно опознала уродливый ежик и рябую кожу. Она увидела, как чужак подошел к камину, увидела, как он подхватил опасную на вид кочергу и покачал ею.

Стэн оторвал взгляд от спины Икса: он не мог смотреть на то, что сделал. Он повернулся к дому, надеясь на облегчение.

Икс это предвидел. Он протянул руку в сторону длинной покатой крыши дома – и изображения моментально загорелись и там. Стэн был в шоке. Он опустил глаза. Икс встал на колени и прижал ладонь ко льду. Оранжевое свечение погасло, и на секунду мир стал черным. А потом внезапно съемка возникла под ними... вокруг них. Фигуры были громадными и гротескными, голоса – гулками.

Зоя не разбирала, что они говорят. Она не могла даже понять, откуда исходит звук, хоть он сейчас и был повсюду. Однако она слышала, что Стэн, Берт и Бетти кричат. Один – от ярости, двое – от страха.

А потом на экране вдруг появилась Ухура, пытаясь защитить Берта и Бетти. Она яростно лаяла, как когда подъезжал грузовик Стэна. Как это ни удивительно, но Спок тоже завывал.

На видео Бетти схватила Берта за руку и потащила к двери, к спасению. Берт выглядел растерянным, словно ребенок. Когда Бетти попыталась вытащить его на улицу, он остановился, как будто ему совершенно некуда было спешить, и взял леденец из вазочки на журнальном столике.

Они выбежали на крыльцо, опережая Стэна на несколько секунд. То, что им удалось хотя бы ненадолго освободиться, заставило Зою встрепетаться. Она сама не понимала почему: конец мог быть только один.

Стэн бежал за ними, сжимая кочергу.

Берт и Бетти доковыляли до машины, и Бетти включила двигатель, но колеса начали буксовать в снегу. Едва они отъехали метров на тридцать, как Стэн уже бежал рядом с дверцей, яростно размахивая своим оружием.

Машина врезалась в дерево.

Зоя смотрела, как Стэн выгоняет Берта и Бетти из машины и набрасывается на них с кочергой.

Она увидела Бетти на снегу. Увидела, как Берт плачет, как маленький. Увидела, как собаки огрызаются у ног Стэна и как этот маньяк издевательски на них скалится и бьет ногой в живот.

Она увидела, как кочерга взметнулась и опустилась.

Зоя увидела, как умерла Бетти.

Она погибла, пытаясь закрыть Берта своим телом.

А потом Зоя увидела, как умер Берт.

Он погиб, потрясенно рыдая над Бетти. Умер, закрывая лицо ладонями. Он умер, не переставая умолять писклявым перепуганным голосом: «Отстань, я просто старый перчик. Отстань, отстань, отстань!»

Стэн сбросил тела Уоллесов один за другим в озеро.

Когда Зоя поняла, что именно видит, когда это зло запустило в нее свои острые когти, она отвернулась к дому, мысленно молясь, чтобы Джона не проснулся.

А потом она упала на колени и прижала Ухуру к груди. Ее рвало на снег, так что горло начало гореть.

* * *

Когда Зое удалось подняться, Икс уже опустил руки и натягивал рубашку. Видео закончилось. Озеро снова яростно пылало. Икс, казавшийся больным и измученным, наклонился и поволок Стэна к проруби.

Пока они смотрели на убийство, Стэн не произнес ни слова, но Зоя видела, что в нем что-то копится. Это было не раскаяние и не сожаление... и даже уже не страх.

Это была ярость.

– Теперь мне положено сказать, что я сожалею и прочее? – заорал он на Икса. – Ну так не дожدهйся, суперурод! Эти люди были старше гор! От них никому никакого проку не было!

Икс ничего не ответил. Он терпеливо смотрел на Стэна, словно прекрасно знал, что тот будет говорить, пока у него слова не закончатся.

Стэн начал снова – на этот раз чуть тише.

– Слышь, – сказал он, – я не собирался ничего им делать... даже без оружия был. Я просто хотел позаимствовать что-нибудь ценное. Рассчитывал, что они будут тихими и послушными, потому что мозги у них уже в кашу превратились, так? Ага, я об этом знал. Я очень тщательно подготовился к ограблению. Чуть ли не месяц составлял план. Занимался серьезно. В чем и вся ирония, потому что, когда я ходил в школу, я никогда не занимался.

Перепуганного Стэна заносило.

– Короче, все могло пройти приятно для всех сторон. Относительно. Но эта старая карга оказалась боевой – стала защищать от меня своего старика. Пыталась глаза выцарапать и все такое. Честно говоря, не ожидал. Так что атмосфера стала более враждебной и напряженной, чем я рассчитывал. Самое смешное, что я не нашел там ничего хоть немного ценного. Заявлялся сюда раза два или три – и все равно так и не понял, где они прятали свои чертовы денежки!

Стэн шумно сплюнул в снег.

– Ладно, – закончил он. – Мне больше сказать нечего. Только что ты ненавидишь Бога, если и правда хочешь меня утопить.

И вот это заставило Икса заговорить.

* * *

Голос у него был низким, но хриплым от долгого молчания. Зоя не смогла бы определить, из какой он страны или даже из какого века.

– Запомни хорошенько, – сказал Икс и замолчал, чтобы откашляться и вытереть пот со лба. – Никто не ценит Божественную любовь выше, чем те из нас, кто изгнан в Низины, ибо мы знаем, каково жить без нее. – Он схватил Стэна за шкуру. – А теперь и ты узнаешь.

Он нагнулся и, хоть и казался невероятно усталым, поднял Стэна в воздух.

Стэн пытался сопротивляться: хватал за шею, царапал лицо.

Икс поморщился и явно из последних сил столкнул Стэна в неровную дыру во льду.

А потом он замер, повернулся – и посмотрел прямо на Зою.

Его взгляд ошеломлял. В груди у Зои поднялась какая-то волна. Казалось, Икс задал ей безмолвный вопрос. У нее создалось впечатление, будто он вроде как хочет получить от нее позволение оборвать жизнь Стэна.

До этого Стэн даже не замечал Зоиною присутствия. Теперь он ее увидел и тошнотворно ей улыбнулся.

– Отзови его, девонька, – взмолился он. – Пожалуйста! Черт, но я же знал твоего отца!

Икс покраснел, негодуя, что Стэн осмелился обратиться к Зое.

– Закрой рот! – приказал он. – Иначе я его кулаком заткну.

Икс опять посмотрел на Зою – и она снова была ошеломлена силой их контакта. В его взгляде по-прежнему был вопрос, но он оказался не тем, что ей подумалось. Теперь она это поняла. Он не имел намерения щадить Стэна и не интересовался ее мнением. Тогда о чем же он ее спрашивает?

Тут она догадалась. Каким-то образом Икс узнал, как она любила Берта и Бетти. Он как-то понял, что многим хорошим в себе она обязана именно им и что ее ненависть к Стэну горела у нее под кожей лихорадкой. Он спрашивал, не хочет ли она убить его сама.

Зоя ощутила прилив какого-то непонятного чувства. Она не могла даже определить – боль это или облегчение. Однако это ее наэлектризовало.

Она зашагала по льду к Иксу и Стэну.

Стэн болезненно дергался в озере. Ледяная вода затекала в его отвратительный рот. Он получал по заслугам – Зоя это понимала.

Она старалась идти как можно быстрее, твердо ставя ноги на лед, чтобы не заскользить. С каждым шагом она набирала скорость. Икс не прекращал смотреть на нее, продолжая удерживать ее взгляд. Зоя не знала, что именно чувствует, – точно не могла бы сказать. Она попыталась подобрать нужное слово и (хоть это и казалось невероятным), ощутила, что Икс тоже мысленно его ищет.

Они нашли это слово одновременно.

Это оказалось не «ярость» и не «отмщение».

Это было «милосердие».

Глаза Икса изумленно сверкнули. Он отвернулся от Зои и поспешно поставил сапог Стэну на макушку – точно так же, как Стэн сделал со Споком.

Он уже собрался толкнуть его в глубину, когда на него налетела Зоя.

Икс был измучен. Зоя была полна решимости.

Она сбила его на лед, не дав опустить ногу.

3

Она не ожидала, что Икс упадет, но он рухнул под ее весом, так что они оба растянулись на озерном льду. На полсекунды у них получилась куча-мала. От его кожи пахло смолой и дымом костра.

Зоя ожидала, что он тут же вскочит, но он так и остался на спине, корчась от боли. Лихорадило его даже сильнее, чем она думала. Она поднялась на ноги и повернулась к Стэну: тот рыдал в воде, и кожа у него становилась серовато-синей. Ей было противно даже думать о том, чтобы до него дотронуться, но было бы неправильно, чтобы он умер вот так, несмотря на все его дела.

Она протянула ему обе руки и помогла выбраться из воды. Он стоял перед ней, сотрясаясь от дрожи, в насквозь промокшей одежде. Он казался тощим и жалким, как какая-то зверюшка, которую извлекли из раковины.

– Аллилуйя, девонька, – сказал он. – Папаня тобой гордился бы.

Ей была противна его благодарность.

Зоя промолчала. Она просто смотрела, как он мчит к своему грузовику, сверкая бледными подошвами сапог.

Мотор кашлял, но не запускался. Зоя прекрасно знала, какие звуки издает машина, когда готова помочь. Этой хотелось, чтобы ее оставили в покое. После тридцати полных секунд ругани (при этом Стэн соединял в проклятиях такие слова, какие никто никогда определенно не соединял) он выбрался из кабины, взял из кузова одеяло и убежал в лес, словно зверь.

Икс сел на льду. Она ожидала, что он будет в ярости, а он смотрел на нее печально и недоуменно.

– Что ты наделала?

Зоя не ответила: она толком не понимала, что делала, подчиняясь инстинкту.

Икс посмотрел вслед скрывшемуся за деревьями Стэну.

– Не ходи за ним, – попросила Зоя. Эти слова стали первыми, которые она адресовала ему, и хотя она часто облекала даже самые искренние мысли в форму сарказма, на этот раз она не стала за ним прятаться. – Пожалуйста. Это неправильно.

Икс взвесил ее слова.

– Однако, если я за ним не пойду, – возразил он, – кто-то обязательно придет за мной.

Тем не менее он не сдвинулся с места. Он задержался на льду с Зоей, слушая, как ломает ветки Стэн, бегущий вверх по склону в темноте. Зое стало любопытно, почему Икс

не погнался за Стэном. Почему он прислушался к ее пожеланиям? Почему ему важны ее желания?

– Если ты его убьешь, то будешь не лучше него, – сказала она. – Наказывать людей – не наша работа.

Икс опустил голову.

– Скорее, не твоя, – отозвался он.

* * *

Зоя поплелась обратно к дому Берта и Бетти за Джоной, задержавшись у раздолбанного грузовика Стэна, чтобы сфотографировать его номер. Спок и Ухура пошли за ней. Икс тоже. Зоя не оглядывалась, но слышала, как он бредет за ней по глубокому снегу. В дом он с ней не зашел: остался на крыльце из вежливости... или, может, из-за стеснительности. Он шикнул на заскуливших собак, судя по всему, Икс как-то узнал, что Джона спит. Спок с Ухурой начали задирать головы, так что в конце концов Икс догадался, что им надо почесать под подбородком. Он встал на колени, осторожно погладил и шепотом назвал их клички. Зоя включила освещение на крыльце и на несколько секунд задержалась, наблюдая за ними в окно.

Джона так и лежал на диване: похоже, он проспал все это безумие. Однако когда Зоя взяла его на руки, его тело оказалось напряженным, нисколько не походя на тесто, которое должно было бы напоминать.

От веса Джоны у Зои тут же заболели руки: так ей брата до дома не донести. Тем не менее она не могла даже подумать о том, чтобы его будить и заставлять идти через лес. Он заслуживает того, чтобы проснуться в собственной постели, чтобы весь этот кошмар уже был позади, а его окружало все его игрушечное оружие: пистолеты, ракеты, мечи. Она желала Джоне невинности и забвения, особенно потому, что ей они были недоступны.

Она снова положила его на диван, придерживая ладонью голову, словно у новорожденного. А потом выпрямилась и стала ждать, чтобы решение пришло к ней из мирового эфира.

За окном она видела Икса: он сидел, взяв собак на колени. Лицо у него блестело от пота, снег на пальто становился прозрачным и таял. Спок игриво прикусил ему руку – и это, похоже, его изумило. Неужели он никогда раньше не играл с собаками? В конце концов он догадался, чего добивается Спок. Он притворился, что кисти его рук – это птицы, и начал дразнить пса, заставляя их взлетать и пикировать чуть за пределами досягаемости.

Наверное, Икс понял, что за ним наблюдают. Он посмотрел в окно на Зою. Ее снова потряс его совершенно больной вид. Однако он вроде бы не просил о помощи, а сам ее предлагал. Может, он придумал, как вернуть их с братом домой? Потому что сейчас Зоя больше ни о чем другом думать не могла. Она встретила с Иксом взглядом. Она не шевельнулась, не произнесла ни слова... но он кивнул.

После этого она видела только смазанные куски неба и деревья, которые словно проматывались на пленке в ускоренном режиме.

Икса ломало и крутило от какой-то неизвестной Зое болезни.

Но он перенес их домой.

* * *

Даже в темноте Зоя видела, что снег на дороге к дому был нетронут: сердце у нее упало при виде того, что мать до дома еще не добралась. Ей отчаянно хотелось ее увидеть, но, с другой стороны, ее отсутствие было очень кстати. Зоя не смогла бы объяснить, что за странная фигура доставила их домой, а потом – отказавшись от воды, крыши, перчаток, пледа и

даже от вяленых овощей (а кто-то вообще согласился бы на вяленые овощи?) – удалилась в сторону леса.

Она в последний раз бросила взгляд на Икса и увидела, как он, шатаясь, сделал еще несколько шагов, а потом упал на одно колено в снег. Она приказала себе не смотреть.

Зоя открыла дверь дома, что было не просто со спящим Джоной на руках. С холодильника она сняла приклеенный листок с составленной матерью контактной информацией для полиции и, зажав его в зубах, поднялась по лестнице с братом.

Кроватка у Джоны была детская, в форме божьей коровки. Когда Зоя наконец уложила в нее брата, он моментально перевернулся на бок, не просыпаясь, и начал пускать слюни на подушку.

Она села с телефоном на пол у кровати Джоны и отправила полиции фотографию номеров с грузовика Стэна с сообщением: «Этот грузовик принадлежит мужчине, убившему Берта и Бетти Уоллес. Кочергой от их камина. Его зовут Стэн Как-то. Его грузовик и сейчас у их дома. Ему примерно 45+, рост около 180 см. Худой. Стрижка ежиком. Странная бровь. Пользуйтесь».

Отправив это письмо, она просмотрела кучу сообщений, которые наконец до нее дошли. Несколько было от Далласа (он был «на полном ходу», после того как «вырубился» на время бурана), от Вэл (которая вообще буран прозевала, потому что легла подремать) и от матери (которая была в панике). У Зои возникло ощущение, что мама ее бросила, но она невольно улыбнулась, читая поток сообщений: «Дороги жуткие. Даже из бакалеи не выбраться. Извини, Зо... По-прежнему ужас. Не давай Дж. перед сном хлопья. Предложи вафлю без глютена... Р-р-р! По радио объявили, что снегоочистители сегодня даже не выйдут. На гору не подняться... Я все еще в магазине! Поселюсь там навечно и буду есть химикаты и пестициды, как настоящая американка... У вас все ОК?.. Знаешь, если Дж. попросит хлопья, пусть ест... Господи, Руфус вывез меня на своем суровом грузовике, настоящий рыцарь. НЕТ, он в меня НЕ ВЛЮБЛЕН... я слышала! Лягу у него на диване... У вас все ОК?.. Не могу заснуть. Боюсь за вас. Дж. ел хлопья?»

Зоя задумалась о том, что написать в ответ.

«Мы в порядке, – написала она наконец. – Подробности потом. Дала Джоне чипсов, политых глазурью для торта. Круто, да? Руфус от тебя БЕЗ УМА. А теперь спи. Целую».

Зоя ненадолго вышла в чаты и «Инстаграмм», надеясь, что жизнь снова начнет казаться нормальной. Не начала. Да и как она станет нормальной со Стэном, Иксом и прорубью в озере?

Она прошла по коридору к себе в комнату и остановилась в дверях, усталая и выбитая из колеи. На стене в ногах ее кровати висела фотография, где они с отцом во время одного из спусков в пещеры. На них были летные костюмы, купленные в военторге в Уайтфише по 17 долларов за штуку. У Зои на лбу был фонарь на батарейках. Ее папа, как настоящий мужик, пользовался старомодным карбидным фонарем, похожим на миниатюрную паяльную лампу. На фото у него была широкая безумная улыбка и дико взлохмаченные волосы. Папа всегда был лохматым: он называл свою шевелюру «салатом».

Зоя услышала голос Стэна, который мерзким пятном расплывался у нее в голове: «Ты его почти не знала. А потом он погиб в какой-то чертовой пещере. И никто даже не потрудился вытащить его тело. Что вы за люди такие?»

Эти слова метались у нее в голове, словно птицы, гоняющиеся друг за другом.

Разве это она виновата в том, что плохо знала отца? Его вечно не было дома! Зоя вынуждена была все больше и больше полагаться на маму. Мама бросила медицинский институт и работала сразу на нескольких работах, чтобы содержать семью, а Зоин папа то появлялся, то исчезал. Она все силы бросила на материнство и растила детей стойкими и сильными. Когда Зоя была совсем малышкой, мама надевала на нее комбинезончики с надписями «ГЕРОЙ» и

«ЗАЩИТНИК». Пусть отцовская любовь и была похожа на свечу или фонарь, мамина была лучше: она никогда не гасла.

Зоя устала до оупения, хоть на часах и было всего 9.30. Она сняла одежду. Казалось, что все тело испачкано и избито. Ноги покрывала колкая щетина, изо рта разило, в плечи больно врезались лямки лифчика. Ей надо было бы принять душ, почистить зубы... сделать хоть что-то. Вот только сегодня она больше ни на что не была способна. Она рухнула в постель как подстреленная.

* * *

Мать добралась домой только в середине ночи. Сквозь сон Зоя слышала шелест открывшейся входной двери. Она ощутила волну облегчения – и тут же увидела сон, в котором снова была маленькой и клала голову маме на колени. Ей хотелось проснуться и поговорить с мамой, но вытащить себя из сна не получалось. Когда она проснулась опять, то ее разбудили голоса – мужские голоса, – доносящиеся с первого этажа.

Она попыталась от них отключиться. Она не желала открывать глаза. Она попыталась вернуться в тот же сон, но он ускользнул.

Теперь внизу играла музыка, но странно неуместная: буддистские мантры в сопровождении клавишника, акустических гитар и тарелок. Это означало, что мама пытается всех успокоить. Или настолько достать, чтобы они ушли.

Зоя оказалась притиснута к стенке: в какой-то момент к ней перебрался Джона. Он всегда ложился в ногах, а потом проползал под одеялом, как зверек в норе. Она ощущала спиной жар от его тела. Пальчиками ног он упирался ей в икры.

Хлопнула входная дверь. Кто-то вышел покурить. Зоя слышала, как он кашляет и скрипит снегом. Она почувствовала запах дыма, пробравшегося сквозь оконную раму. Мужчина снова распахнул дверь с такой силой, что она хлопнула по стене дома, и вернулся обратно, не потрудившись отряхнуть снег с ботинок.

Зоя перевернулась на спину. Боль ударила в шею жгучими искрами. Вскоре голоса игнорировать стало невозможно. Они квохтали, как голуби. Стало понятно, что заснуть Зоя не сможет. «Что, черт возьми, там творится?» Она набрала полную грудь воздуха и медленно его выдохнула. А потом, наконец, открыла глаза.

Все еще была ночь. Странно: она решила, что уже утро. Луны не было. Ветра тоже. Снег испускал слабое голубоватое свечение, сосны стояли таинственно и неподвижно, словно только что закончили переговариваться между собой. Зоя взяла телефон, который положила заряжаться на подоконник. Было три часа ночи.

Она включила приложение-фонарик и провела им по комнате. Похоже, мать заходила и ушла: на полу были оставлены тарелки, стаканы и мисочки, напоминая развалины города. Зоя ничего не помнила. Там оказались красный перец, листья алоэ, веточки мяты. В миске с водой облаком плавало нечто желтоватое: то ли средство от обморожения, то ли остатки обряда вуду.

Рядом на кресле валялась раскрытая книжка в бумажном переплете: романтическая история о переносе во времени с мужиком в килте на обложке². Наверное, мать несколько часов просидела, глядя на них. А еще она заклеила ссадину у Зои на лбу: она достаточно долго проучилась в медицинском институте, чтобы отлично уметь оказывать первую помощь.

Зоя посветила фонариком на Джону. Обветрившиеся на морозе щеки теперь блестели от алоэ, а кончики всех пальцев были обмотаны бинтами. На секунду свет оказался слишком

² «Чужестранка» Дианы Гэблдон (прим. ред.).

близко от его глаз. Он поморщился, но не проснулся. Одно можно сказать про ее братца: спал он *свирепо*. Футболка у него намочала от пота (сейчас на ней был слоган «Я сам себе каскадер»), и он всегда так негодующе кривился и фыркал, что Зоя неизменно покатывалась от хохота. На что он злится? С кем сражается или кого защищает в своих снах?

Зоя попыталась повернуться и почувствовала, что что-то тягивает ей ногу. Она отогнула одеяло. Наверное, Джона боялся, как бы она не улизнула из спальни тайком от него, и потому в качестве сигнального устройства он шерстяной ниткой привязал ей к лодыжке скейтборд. Когда ему было страшно, он ненавидел просыпаться один. По его словам, у него тогда внутри все тряслось.

Сейчас, когда Зоя смотрела на брата, ее захлестывали облегчение, страх и любовь. Он свернулся рядом с ней калачиком, словно олененок. «Ну, надо же!» – подумала она. Отвязав скейтборд от своей ноги, она закрепила его на ноге Джоны. «Теперь тебе водить».

Внизу кто-то из мужчин разбил стакан.

Это чуть не разбудило Джону. Зоя разъярилась и отправила маме эсэмэску.

Там было одно слово: «Кто?»

Как только она ее отправила, то услышала, как мать резко отодвинулась от кухонного стола и побежала вверх. После всего, что произошло во время этого бурана, быстрые шаги матери стали таким облегчением, что Зоина ярость моментально испарилась, и, даже не успев осознать, что вот-вот случится, она расплакалась.

* * *

Мать открыла дверь ее спальни, а потом закрыла за собой, так что полоска света на мгновение заставила заблестеть расставленные вдоль стены наградные кубки, а потом погасла. Зое не хотелось показывать матери, насколько она расстроена, и потому, как всегда в трудный момент, она ляпнула:

– Так ты уже вернулась из магазина?

Мать рассмеялась.

– Вернулась, – подтвердила она. – Тут что-то случилось?

Что Зое в матери нравилось (среди прочего) – это то, что она понимала шутки, даже самые дикие. Очень часто они единственные из присутствующих хохотали, пока все остальные неловко ерзали. Даже отец, когда он был жив и когда оказывался рядом, Зоиного чувства юмора толком не понимал.

– Тут у меня заяц, – сообщила Зоя, кивком указывая на Джону. – Придется говорить шепотом.

– Запросто, – ответила ее мать и опустилась на колени у кровати.

В темноте Зоя еле различала очертание маминого лица. Обе молчали. Мимолетное веселье уже исчезло.

– Джона оправится? – спросила Зоя.

– От обморожения – да, – ответила мать. – Но, похоже, он сильно травмирован тем, что с вами было. – Она помолчала, а потом мягко спросила: – Ты можешь мне рассказать, что случилось?

Зоя попыталась найти ответ, который не звучал бы совершенно безумно. Внизу кто-то из мужчин выключил буддистское песнопение. Остальные облегченно заворчали и зааплодировали.

– Кто там внизу? – спросила Зоя.

– Сейчас важно не это, – сказала ей мать. – Но они явно не буддисты.

Она продолжала ждать, чтобы Зоя ответила на повисший в воздухе вопрос.

– Не молчи, – попросила мать.

Зоя привыкла всегда все рассказывать матери, и сейчас ей хотелось вывалить той все бредовые кошмарные подробности: об оранжевом свечении озера, о видеоролике с преступлением Стэна... об Иксе. Но что она сможет о нем рассказать? Что она вообще о нем знает, если не считать, что он буквально излучает одиночество? А еще – что ее к нему тянуло.

Она постаралась не вспоминать его лицо, понимая, что если расскажет слишком много, то получится полная бессмыслица.

– Краткий вариант такой, – призналась Зоя. – Джона с собаками ушел в лес... а я их упустила.

Мать снова помолчала, словно дожидаясь, чтобы поезд тронулся.

– Так, извини, что давлю, – заговорила она наконец, – но мне нужен вариант поподробнее.

– Не могу, мам, – сказала Зоя. – Пока не могу.

– Зо...

– То есть – более подробный вариант: я облажалась, и он чуть не погиб.

– Зоя, перестань. Не надо так с собой.

– И я все думаю, что когда Джона проснется, то будет смотреть на меня так, будто я его подвела. И это правда. Я подвела козьявку.

Ей вообще не следовало говорить. Она разрыдалась захлебываясь. Мать потянулась через Джону, чтобы погладить Зою, но в темноте с этим возникли трудности.

– Я пытаюсь нежно погладить тебя по щеке, – сказала она. – Это щека? Я глажу ее нежно?

– Нет, это лоб, – ответила Зоя. – А теперь – нос.

– Ладно, представь, что я нежно глажу тебя по щеке, – попросила ее мать.

– Представила, – сказала Зоя и невольно рассмеялась слепым попыткам матери. – Ладно, прекрати, на мне азбукой Брайля не писали. А это – ухо!

– Зоя, – серьезно проговорила мать, – брат любит тебя просто безумно, и это ничто никогда не изменит. Он же привязал тебе к ноге скейтборд!

Зоя хотела что-то ответить, но ей помешал шум снизу. Они с матерью насторожились: один из мужчин встал, с противным скрипом провезя стул по полу, и сказал:

– Хватит этой дури, парни.

Они услышали тяжелые шаги, поднимающиеся по лестнице. Зоина мать не разрешала заходить в дом в обуви, так что этот шум казался почти насилием.

– Извини, что не могу дать тебе времени, – прошептала мама, – но я не могу, малышка. Тебе придется все рассказать, потому что здесь полиция.

* * *

Зоина мама моментально выставила полисмена из спальни, попросив, чтобы Зоя спустилась вниз, когда будет готова. Зоя не сталкивалась с полицией со смерти отца, так что сама мысль об их присутствии в доме вызывала болезненные воспоминания. Именно полисмены оставили тело ее папы в пещере. Тот полисмен, который только что стучал в Зоину дверь – шеф полиции Лыссино, – решил, что вытаскивать его будет слишком опасно.

Зоя осторожно слезла с кровати, стараясь не разбудить Джону, и оделась в темноте. Через несколько минут она уже прошлепала вниз по лестнице и, не показываясь, посмотрела на кухонный стол, где ее мать сидела с Лыссино и двумя его патрульными. Лыссино был массивный, громкий и противный... и действительно лысый. Сейчас он по-собачьи чесал шелушащуюся красную сыпь под воротником рубашки.

Шеф сидел рядом с худющим молодым патрульным по фамилии Мерц. Зое он запомнился как чуть прикурковатый, но безобидный. Шеф его явно терпеть не мог.

Третьим полисменом оказался сержант Вилкомерсон. Он единственный сподобился назвать Биссела свое имя (его звали Брайаном) и единственный обнял их на похоронах отца в городе. Когда Зоя вышла на кухню, Вилкомерсон встал и придвинул ей стул. В отличие от Лыссино и Мерца, он разулся из уважения к домашним правилам, вывешенным у каждой двери.

Патрульный Мерц задавал Зоиной маме скучные общие вопросы о Зое: в какую школу она ходит и есть ли у нее хобби. Зоина мама тянула время, чтобы Зоя успела одеться и обдумать, что именно она будет говорить. Перед ее матерью на столе стоял ноутбук. На нем, чтобы всем было видно, была развернута страница, озаглавленная «Права несовершеннолетних при опросе полиции».

Зоя восхищалась отвагой матери и гордилась тем, что ее унаследовала. Мама работала по шесть дней в неделю заведующей унылым спа-салоном под названием «Горячие ключи» («Расслабьтесь и омолодитесь в наших целебных ваннах!»). А еще она работала старшей официанткой в отличном кафе в Уайтфише под названием «У Лулы» и выполняла роль регулировщика движения во время ремонта трассы номер 93. При этом, как Зоя знала, в семье постоянно не хватало денег. Она догадывалась, что у ее мамы такое чувство, будто она бежит по рельсам, всего на несколько шагов обгоняя поезд.

Зоина мама сообщила патрульному Мерцу, что хобби Зои – собирать наградные кубки, что, похоже, его впечатлило. На самом деле Зоя именно что собирала награды: она считала, что они уродские, нелепые и обалденные, и покупала их на блошинных рынках и распродажах. Если бы вы вошли к ней в комнату, не зная, что к чему, то поразились бы тому, как это одна девочка может добиваться таких успехов в плавании, риторике, стрельбе из лука, макраме, запуске воздушных шаров и выращивании домашних животных.

Сейчас ее мама вдохновенно болтала, описывая выдуманные увлечения Зои. Одна из ее коллекций – 32 из 50 ложек с символами штатов – так заинтересовала Мерца, что Зоя испугалась, как бы он не попросил показать ее ему.

Зоя села рядом с матерью.

– Я очень увлеклась сувенирными ложками, – сказала она Мерцу. – Даже начинаю спрашивать себя, не слишком ли.

Зоина мама прикусила губу и легонько пнула Зою под столом.

– Ага, ладно, – проворчал шеф Лыссино. – Думаю, общих слов уже хватит.

Он знаком показал Мерцу, что берет разговор на себя, поскольку у Мерца явно ничего не получится. (Зоина мама бросила на нее знакомый взгляд – тот, который говорил «Доминанты – это страшное дело».) Мерц с обиженным видом вжался в спинку стула.

Лыссино подвинул Зое какую-то бумажку.

– Ты подтверждаешь, что отправила нам это электронное письмо в девять пятнадцать вчера вечером? – спросил он.

Зоя опустила глаза, а потом снова посмотрела на Лыссино, видя только человека, который оставил тело ее отца в пещере.

– Да, я отправила это письмо, – ответила она. – Вот почему там стоит мое имя.

Лыссино надел очки для чтения, которые казались нелепо изящными на этом жирном, похожем на слишком мягкое кресло мужчине, и зачитал письмо вслух. Зоина мама поморщилась, услышав имя Стэна: если папа был знаком с ним в прошлом, в Виргинии, ее мать тоже должна была его знать, а потом поморщилась еще раз на саркастическое «Пользуйтесь».

– Надо полагать, это твои слова? – сказал Лыссино. – Раз под ними твое имя.

– Да, – подтвердила Зоя.

– Так, может, ты нам расскажешь, откуда все это знаешь?

Зоина мама демонстративно прокрутила текст на экране, а потом ей кивнула. Зоя понимала, что не может рассказать всю правду, но, по крайней мере, она может не говорить ничего, кроме правды.

– Мы с Джоной искали собак, – сказала она.

Она посмотрела на патрульного Мерца, который, лишившись власти, обиженно вел записи, а потом на сержанта Вилкомерсона (тот поощрительно кивнул). Лыссино скрестил руки на груди и так выпятил пузо, что стал похож на беременную на девятом месяце.

– Нас застиг буран, – продолжила Зоя. – Мы зашли к Берту и Бетти, чтобы погреться. Раньше мы часто там бывали.

Это воспоминание было таким болезненным, что она не смогла не добавить:

– После того, как мой отец погиб, а вы все не захотели поднять его тело.

Лыссино эти слова не задела, но все остальные неловко заерзали на стульях. Зоина мама наклонилась к ней и прошептала:

– Не надо, милая. Это несправедливо.

Зоя изумленно отстранилась от нее.

– И чем же это несправедливо? – спросила она.

Лыссино вмешался, так что мать ей ответить не успела.

– Так что ты столкнулась со Стэном Мэнггольдом в бывшем месте проживания Уоллесов?

– Да, если это его фамилия. Он назвал себя Стэн Мужик.

– Господи! – ахнула Зоина мама.

Значит, она даже прозвище его знала.

– А откуда ты узнала, что мистер Мэнггольд виноват в смерти Бертрама и Элизабет Уоллес?

– Я видела... – начала было Зоя, но тут же остановилась.

Она чуть было не сказала: «Я видела, как он их убивал». Да уж, это бы всем понравилось: «Я видела это в видеоролике на спине суперкрутого парня».

– Что именно ты видела? – спросил Лыссино.

– Видела, как он этим хвалился, – ответила она. – И видела кочергу, которой он их убил. Он решил, что Берт с Бетти богатые. Он все еще пытался понять, где они прятали свои сбережения. А у них денег не было... и теперь их тела лежат в озере.

У нее дрожал голос.

– Зоя, – сказал Лыссино, – когда вы с братом были на озере, вы не видели там никого, кроме Стэна Мэнггольда. Кого-то незнакомого, кого-то другого? Хорошенько подумай, что ответить. Потому что мы это запишем.

При этом патрульный Мерц поднял взгляд на своего шефа, словно спрашивая: «Это вы обо мне?» Лыссино закатил глаза и сказал:

– Да, Стюарт, записывай все, что она скажет.

Все выжидающе посмотрели на Зою. У нее перед глазами встало его лицо. Ей хотелось его защитить. Он перенес их домой!

В этот момент снаружи донесся шум: похоже, какие-то звери забрались в гараж и опрокинули мусорный бак.

Зоина мать встала.

– Еноты, – сообщила она. – Делаем короткий перерыв. Никаких вопросов в мое отсутствие. – Она развернула ноут к полисменам. – Если вам это не нравится, – добавила она, – бодайтесь с legalbeagle.com.

– Вам помочь, миссис Биссел? – спросил сержант Вилкомерсон.

– Нет, Брайан, но спасибо. Пусть еноты поищут себе другое место для своих игр.

* * *

Зоя встала, почувствовав острую боль в икрах, и отошла к окну гостиной. Тучи разошлись. Луна висела в небе ярким белым глазом. Горы казались волнистой линией, уходящей вдаль.

Она в тысячный раз почувствовала уныние. Ей вспомнились Берт и Бетти, ее отец, та липкая мутная каша, в которую все превратилось.

Ей вспомнился Икс. Она постучала по стеклу – сама не зная почему. Он сейчас был где-то там. Ей не следовало его отпускать, но не могла же она задерживать его насильно!

Зоя направилась обратно к столу. Она знала, что скажет.

* * *

– Мы не видели никого, кроме Стэна. А что?

Едва только Зоя это сказала, как поняла, что совершила ошибку. В чем-то просчиталась. Похоже, даже мать знала, что она врет, но откуда? У Зои скрутило живот, словно кто-то поворачивал там шестеренку.

Патрульный Мерц, как она заметила, не стал записывать ее ответ – не потому, что забыл, а потому, что знал, что это потом используют против нее. Зоя подумала, что он проявил смелость и доброту. Мысленно она отметила имя Мерца звездочкой, хоть и понимала, что его слабый бунт сейчас будет подавлен.

– Стюарт, запиши то, что сейчас сказала наша юная подруга, слово в слово.

Это приказал Лыссино. Он ухмыльнулся, побарабанил по крышке стола и сел прямее. Теперь он казался на третьем или четвертом месяце беременности, когда люди только-только всем сообщают о том, что ждут ребеночка.

– Брайан, – предложил он, – давай покажем ей снимок. Он при тебе?

Значит, есть какой-то снимок. Откуда? И чего? Шестеренка у Зои в животе быстро сделала еще три оборота.

Она собралась заговорить, когда ее мать заставила всех вздрогнуть, резко захлопнув ноут.

– Что за снимок? – спросила она. – Почему мы только сейчас про него услышали и почему вы ведете какие-то игры с девочкой семнадцати лет?

– Извините, миз Биссел, – сказал Вилкомерсон, ища в своем телефоне нужный снимок.

– С какой это стати ты перед этой женщиной извиняешься? – возмутился Лыссино. – Мы дали девице возможность сказать правду.

– Я принимаю ваши извинения, – сказала Зоина мама. – А вот вы, – тут она наставила палец на шефа Лыссино, – начинаете меня раздражать.

* * *

Это оказался «Инстаграмм». У Брайана была противная дочка, которая училась на пару классов младше Зои, и эта девчонка увидела снимок, решила, что он крутой, и написала дурацкий комментарий типа «Ага!». А еще она показала его своему папе.

На снимке Икс был виден со спины с широко разведенными руками и ногами в форме крестов. В кадре видна была его широкая голая спина, освещенная сияющим льдом. Видны были примитивные татуировки у него на предплечьях. Виден был Стэн, испуганно сжавшийся у его ног.

– Итак, на этом снимке много странностей, – сказал шеф Лыссино. – Например, озеро оранжевое.

– Это просто фильтр, – вмешался Мерц. – Ими все пользуются.

Зоя их не слушала. Она уставилась не на Икса, а на Стэна. Ее мать тоже смотрела именно на него. Похоже, она была потрясена тем, что снова его видит, – наверное, спустя лет двадцать. Он был мерзкий. Короткая стрижка. Белая бровь. Уродливый валун головы. Зоя не просто позволила ему остаться в живых – она позволила ему убежать! Она не могла отвести от него глаз, даже когда у нее к горлу подступила желчь.

Лыссино начал забрасывать ее вопросами.

– Ты можешь подтвердить, что сделала вчера этот снимок? Можешь подтвердить, что сделала его перед бывшим жилищем Бертрама и Элизабет Уоллес?

У Зои голова пошла кругом. Это заметил только Вилкомерсон. Он ласково положил руку ей на локоть и сказал что-то, что она толком не поняла. Все куда-то соскальзывало. Все летело куда-то в сторону.

А Лыссино все не желал заткнуться.

– Нам известно, что этот человек – Стэн Мэнггольд – здесь, – сказал он. – Грузовик угнан, но мы проверили отпечатки его пальцев, и оказалось, что он в розыске в штате Вирджиния за всякие мерзости. Чего мы не знаем – это кто тот второй человек на снимке, тот, что с татуировками. Мы проверили его изображение по банку данных, но ничего не обнаружили. Так, может, ты перестанешь тратить наше время и скажешь, кто он?

– Я не знаю, – сказала Зоя.

– Тебе неизвестно, замешан ли он в убийстве Бертрама и Бетти Уоллес?

– Не был он замешан! Точно!

– Откуда ты это знаешь, если даже не знаешь, кто он такой?

– Знаю, и все.

– А почему бы тебе не рассказать нам, что еще ты про него «знаешь и все»?

– Я же сказала: я даже не знаю, как его зовут.

Лыссино хмыкнул. Он был уверен, что она врет.

– Хочешь, чтобы мы просидели тут всю ночь, мисс Биссел? – спросил он. – Я не хочу, но просижу.

– Я сказала вам правду, – возразила Зоя. – Он вышел из леса, а потом снова ушел в лес. Я с ним и двух слов не сказала. Я не знаю, кто он такой!

– Тогда почему ты соврала, чтобы его защитить?

Зоя уже готова была расплакаться. Она посмотрела на мать.

Ее мать встала.

– Это совершенно неприемлемо! – заявила она Лыссино. – Вы давите на девочку, которая добровольно с вами стала разговаривать. Думаете, раз я занимаюсь йогой, то не найду адвоката, который вас выпорет?

В наступившей тишине на лестнице раздался такой шум, словно по ней спускался кандалник. Все повернулись туда.

Это был Джона – и вид у него был такой, словно его подло предали. Кончики пальцев были замотаны. За правой ногой на лиловой нитке тащился скейтборд.

Лыссино покачал головой и сказал негромко и ни к кому в особенности не обращаясь:

– Эти люди ненормальные.

* * *

Джона рассказал полиции все потому что, как Зоя и опасалась, он все видел. Он проснулся на диване в гостиной Берта и Бетти. Позвал Зою. Она не ответила, и он протер стекло холодной ладошкой и выглянул на улицу.

Сейчас Джона сидел у Зои на коленях и указывал на пост в «Инстаграмме».

– Это Стэн, – сказал он. – Он говорил, что его фамилия – Мужик, но, наверное, он это выдумал, так что вам это надо проверить.

Джона немного помолчал.

– Я бросил в него камнем, – сообщил он и неуверенно добавил, повернувшись к матери: – Извини.

– Один раз можно, – отозвалась она. – Твой папа много лет назад познакомил меня со Стэном, задолго до того, как вы оба родились, и мне тоже хотелось бросить в него камнем.

– Что еще ты можешь нам рассказать, сынок? – спросил Вилкомерсон.

– Стэн был гад! – ответил Джона, и голос у него впервые дрогнул. – Он навредил Берту и Бетти и хотел навредить моим собакам. Не знаю зачем. Тот, второй человек на снимке, вроде как голый... Не знаю, как его зовут, но он волшебный... и он их спас. А еще он заставил лед стать вот таким оранжевым.

Когда Джона закончил говорить, все молчали, переваривая его слова. Только патрульный Мерц сказал:

– Серьезно – это же фильтр!

Лыссино снова повернулся к Зое.

– Юная леди, вы можете подтвердить вышесказанное?

– Могу подтвердить все, сказанное только что, – ответила она.

Он что – думал, она этого слова не знает?

– Интересно, – проговорил Лыссино, и в его тоне снова появились снисходительные нотки. – Даже то, что касается волшебства?

– Особенно то, что касается волшебства.

* * *

Шеф Лыссино заявил, что ему надоело слушать враки – глупости чертового подростка, и вскоре он со своими людьми уехал в ночь. Бисселы с крыльца провожали взглядами машину, пока где-то через четверть мили ее не поглотила темнота.

Зоина мама позвала ее с собой в гараж.

– Там надо немного убраться, – сказала она.

– Прямо сейчас? – удивилась Зоя.

Было четыре утра.

– Сейчас, – подтвердила ее мать.

– Ненавижу енотов, – проворчала Зоя.

Казалось, мать ее не услышала (наверное, она не спала уже сутки), но спустя какое-то время все-таки отреагировала.

– А? – сказала она. – Ага, я их тоже ненавижу.

До гаража от дома было почти сто метров – он стоял по другую сторону круговой подъездной дороги. Зоя прожила в этих местах всю жизнь, но до сих пор изумлялась тому, что тут бывает настолько тихо, как в фантастических фильмах про космос, когда наступает ночь и нет ветра. Мать говорила, что тишина может исцелить – или довести до безумия. Все зависит от того, как ты ее слушаешь.

Зоя не могла понять, как этой ночью на нее подействует тишина.

– Почему ты велела мне заткнуться, когда я припомнила полисменам, что они не стали доставать папино тело? – спросила она у матери.

– Во-первых, – ответила мать, – я никогда не стала бы приказывать тебе заткнуться, потому что так говорить не следует. Однако нет никакого смысла сейчас все это ворошить. Полиция свои обязанности не выполнила. Конец дела.

Зоя не стала продолжать этот разговор, и они немного прошли молча.

– Я знаю: ты думаешь, будто мы ввали насчет того, что было со Стэном, – сказала Зоя, когда они переходили через дорогу.

– А мы не ввали, ма, – вмешался Джона. Он остановился, дырявя снег палкой. – Мы не ввали, совсем.

– Конечно, нет, милый, – отозвалась Зоина мама.

– Стэн и правда напал на Берта и Бетти, – добавил он. – А волшебный человек и правда спас Спока и Ухуру.

– Конечно, милый.

Зое стало противно, что мать просто для вида соглашается. Она приотстала, чтобы идти с братом, который продолжал тыкать в снег так, словно он был его врагом.

– Может, хватит? – сказала она ему. – Снег уже мертв. Ты его убил. Ты победил.

Она обожала Джону даже во время его странных выходок. Сейчас она это очень ясно ощущала. Ей хотелось бы, чтобы эта ночь еще больше сблизила бы их с их матерью – и на какое-то время ей даже показалось, что так и вышло. А теперь мама отплывала от них, взирая на звезды, словно Зои с Джоной вообще рядом не было.

– Мы не ввали, ма, – повторил Джона, пытаясь притянуть ее обратно. – НЕ ВРАЛИ!

– Брось, Джона, – посоветовала Зоя. – Не обязательно, чтобы мама нам верила, потому что мы себе верим.

До гаража оставалось еще шагов двадцать, и он только сейчас начал проявляться в темноте – словно нос корабля, подходящего сквозь туман. Это было крытое шифером помещение на две машины, разделенное пополам тонкой стенкой. Джоне хватало сил открывать двери совершенно самостоятельно. Он радостно бросился вперед.

– Которую? – спросил он у матери.

– Правую, – ответила она. – Но, пожалуйста, позволь это сделать мне.

В левой половине стоял серебристый «Субару-Форестер» ее матери. Зоина машина – отвратный красный «Таурус», который она прозвала Жук-медляк – раньше стояла справа, но Зоя разрешила Джоне превратить свою половинку гаража в мини-каток, чтобы можно было тренироваться круглый год. Ее брат сделал там ограждение и обклеил стены плакатами с лозунгами «Не сдавайся!» и «Порви их!».

Зоина мама вздохнула, выдохнув облачко пара, и попросила Джону посторониться. Джона был недоволен: он затопал по снегу, словно норовистая лошадка, но послушался.

Зоя остановилась рядом с братом, разделяя его обиду. Из гаража доносились царапанье и скрежет. Она оттащила Джону чуть подальше, готовясь к тому, что из гаража выскочат еноты. Гадкие звери. Она схватила лопату для уборки снега, прислоненную к стене, и сжала в руках, как бейсбольную битву.

Зоина мать взялась было за дверь, но приостановилась и обернулась к ним.

– Я вам верю, ребята, – сказала она. – Извините, если вам показалось, что не верю.

Она явно хотела добавить еще что-то, но сначала повернулась и открыла дверь. Створка ушла вверх с металлическим стоном.

– Попозже все мне расскажете про того волшебного человека, – сказала мать, – но сейчас...

Зоя увидела на полу гаража темный контур лежащего человека. Он повернул к ней лицо: влажное, прекрасное и бледное, как мел.

– Сейчас, – договорила их мать, – вы должны помочь мне забрать его в дом.

Часть 2

Связь судеб

4

Икс услышал у гаража шум. Голоса. Шуршание одежды. Скрип сапогов по снегу.

Дверь открылась с противным скрежетом – и его обдало потоками воздуха. Его лихорадило, тошнило, корежило. Каждый звук отдавался у него в голове взрывом.

Он открыл глаза и увидел три фигуры, приближающиеся к нему в конусе света. Это была та девушка с озера и ее брат. Какая-то женщина стояла впереди них, загораживая их собой. Должно быть, их мать. Икс содрогнулся и закрыл глаза, словно так можно было заставить их исчезнуть. Он не боялся, что они причинят ему вред. Он боялся, что они попытаются его спасти.

Икс знал, что его спасти нельзя. Охотники за преступниками, такими, как он, были такими же осужденными с небольшими привилегиями, но и их связывали законы. Он был неосторожен и нарушил их все.

Самой древней заповедью было: «Никто не должен знать». Это означало, что смертным нельзя открывать само существование Низин. Они должны оставаться сказкой, которую передают из уст в уста, мифом об огненном озере, которое они называют адом. У них не должно появиться убедительных доказательств. Благодаря этому живых можно судить по тому, как они поступают, когда думают, будто никаких последствий не будет. Охотников за преступниками должны видеть только те, за кем они охотятся. Им положено наносить удар стремительно: в тени и молчании.

Икс выставил себя напоказ. Он говорил с девушкой. Он провел ее и ее брата через замерзший лес. Что хуже всего, он позволил той душе, которую его отправили забрать, бежать в лес – словно вирусу, ставшему летучим. Случалось ли хоть одному охотнику не суметь вернуться с душой, за которой его отправили повелители? Случалось ли хоть одному охотнику отказаться исполнить свой долг? Икс никогда не слышал о столь возмутительном поступке, пока сам его не совершил.

И почему он проявил такую слабость? Почему позволил Стэну скрыться в горах? *Потому что так захотелось этой девушке.*

Нет, теперь его нельзя спасти. Лихорадка, снедавшая сейчас его тело, носила название «трясучка». Это его наказание – и оно только началось.

* * *

Днем раньше Икс лежал в своей камере в Низинах – и в нем только начинала просыпаться совсем другая боль.

Он не знал, какое сейчас время суток – день или ночь, – он этого никогда не знал, потому что тюрьма пряталась глубоко в земле, словно опухоль. Он уже много часов пытался заснуть. Он лежал на боку, скрутившись знаком вопроса на каменном полу, когда никогда не проходящие ссадины у него под глазами начало жечь. Сначала он игнорировал это, отчаянно нуждаясь в отдыхе. Однако боль нарастала, пока ему не стало казаться, что все его лицо горит.

Это был знак – сигнал. Один из повелителей скоро явится за ним и заставит приволочь вниз какую-то новую душу.

Икс слышал рассказы о некой высшей силе, которая правит Низинами, но повелители были самыми могущественными созданиями из всех им виденных. В их число входили и мужчины, и женщины, а когда-то они сами были заключенными. Теперь они превратились в отдельную касту. Они носили золотые обручи, плотно облежавшие им горло, и яркие плащи, похожие на вспышки в сумраке. Повелители не старели в отличие от заключенных, над которыми они властвовали (Икс знал только одно исключение). Те, кто был проклят молодым, вечно оставались молодыми. Зачастую они были эффектными и величественными. А вот самые старые были ходячими кошмарами. Икс иногда видел стариков, ковылявших по Низинам, шипя, завывая, точа когти о валуны. У некоторых были длинные седые волосы, падавшие им на спины, и костлявые руки с пульсирующими венами, похожими на жирных червяков. Когда Икс смотрел на их лица, то видел, как сквозь кожу проступают кости черепа.

Ему было любопытно, который из повелителей придет за ним и в какой уголок Земли его отправят.

* * *

Наверное, Икс задремал. Он проснулся с криком.

Его сосед, которого звали Стукачом, услышал его восклицание.

– Плохой сон приснился? – спросил он. – Слышал, как ты стонал, парень.

Душам было запрещено знать истинные имена друг друга, и Стукач заработал свое прозвище самым простым способом: бился лбом об пол, пытаясь облегчить душевные муки. Стукач был барменом в Финиксе. Не так давно в приступе ярости он ударил ножом одного из посетителей бара, после чего бежал в Южную Америку, бросив жену и четырехлетнюю дочку. Стукачу было 27, когда Икс приволок его в Низины. Теперь ему вечно будет 27. Повелители не позволяли охранникам избивать заключенных, понимая, что для заключенных это станет желанным отвлечением. Стукач, как и многие другие души, вместо этого причинял боль сам себе.

Икс подошел к двери камеры и посмотрел в коридор, надеясь, что кто-то из охранников утихомирит его соседа. Ближайший из них – громадный русский с хромой ногой, почему-то носивший синий тренировочный костюм и летные очки, был от них в тридцати шагах.

– Ты не слышал ни слова, – сказал Икс Стукачу, – потому что я не говорил ни слова.

К их разговору присоединился третий голос – без всякого предупреждения:

– Притвора, притвора, притвора!

Это была Рвач: она занимала камеру слева от Икса. Чтобы отвлечь себя от мучительных мыслей, Рвач вырывала себе ногти, а потом нетерпеливо ждала, чтобы они снова отрасли – и ей можно было бы снова их вырвать. В XIX веке в Лондоне у нее на глазах кто-то из ее слуг пролил суп на колени одного из гостей, приглашенных ею на обед. Она встала с места, прошла за молодой женщиной на кухню – и убила ее одним ударом кипящего чайника. После этого она приказала двум лакеям вынести труп служанки на булыжную мостовую у нее за домом. Она знала, что полиция будет так трепетать перед ее богатством, что не станет задавать ей вопросов. К этому моменту Рвач оставалась 36-летней уже почти 200 лет.

Многие из товарищей-заключенных Икса были жалкими мужчинами и женщинами, чьи души переносились в Низины после их смерти. Немногих из них, как Стукача и Рвач, живыми захватывали охотники за головами, в том случае, если земное правосудие не наказывало их должным образом.

Сейчас Рвач расхаживала по камере и громко декламировала стишок из времен своей юности: «Проныра, притвора. Держите вора! Шапка горит – голова слетит!»

Эта красивая и грозная женщина учила Икса охотиться на преступников и десятки других тоже. Вот только в последнее время она, похоже, находилась на волоске от полного безумия.

Икс снова посмотрел в коридор. Русский охранник услышал, как вопит Рвач, и уже шел к ним, приволакивая левую ногу.

Стукач прошипел соседке:

– Господи, Рвач, заткнись, а?

– Но он притвора! Я тоже слышала его вскрик.

– Ну и ладно, – отозвался Стукач, – но остынь уже. И, кстати, правильный вариант будет просто: на воре шапка горит. Просто поговорка.

Рвач загоготала.

– Ну да, конечно, – сказала она. – При следующей же встрече сообщу мистеру Уильяму Блейку о его ошибке.

Русский наконец пришел и просунул дубинку через решетку камеры, которую занимала Рвач.

– Чево это дамочка так разболталась? – спросил он. – Надо заткнуть рот.

– Я ее уже предупредил, мужик, – сказал Стукач. – Уже работаю.

Охранник проковылял к камере Стукача.

– Помощь навозного жука не нужна, – объявил он. – Пожалуйста, тоже заткнись.

– А то что? – поинтересовался Стукач. – Ты меня ударишь? Ах, да: ты ведь не можешь. Потому что работа у тебя паршивая. Тебе хоть медстраховку сделали? Зубы явно не лечат.

– Если кого и будут бить, то это должна быть мой, – вмешалась Рвач, почему-то используя французское местоимение. – Вынуждена настаивать, просто вынуждена.

Охранник выругался и снова заковылял к камере упрямыцы. Воровато оглядевшись, он быстро ткнул ее дубинкой. Когда он захромал прочь, она радостно ворковала.

– А мне ничего? – окликнул его Стукач.

– Нет, – ответил охранник, – потому что ты осел.

На какое-то время воцарилась тишина. Икс снова лег на грубый каменный пол. Лицевые кости у него продолжали болезненно гореть. Его пульс как раз начал выравниваться, когда до него донесся настырный шепот Стукача.

– Поговори со мной, парень, – попросил он. – Расскажи мне историю твоей жизни. А я расскажу тебе свою.

Икс с трудом подавил гнев. У него не было желания разговаривать. Он ответил резко, чтобы прекратить все попытки общения:

– Стукач, я прекрасно знаю твою историю, – сказал он. – Разве ты забыл, что это именно я доставил тебя сюда? Или что это я учил тебя охотиться на преступников – точно так же, как Рвач учила меня? Мне твои преступления слишком хорошо знакомы. Новое упоминание о них только вызовет у меня отвращение.

– Боже, – сказал Стукач, – ну ты и придурок.

Во вновь наступившей тишине Икс закрыл глаза, уже сожалея о своей вспышке. Он забрал четырнадцать душ по приказу повелителей Низин, и Стукач был отнюдь не самым худшим из них. Вот только Икс терпеть не мог рассказывать собственную историю: она напоминала ему о том, сколько несправедливости было в его жизни.

Икс не совершал преступлений.

Он был невинен.

В отличие от всех душ, с которыми ему приходилось встречаться, он не знал, почему его осудили. Он не знал, что за преступление он якобы совершил – или даже как и когда мог его совершить. Однако недоумение не давало ему ощущения чистоты: Икс был просто убежден, что в его сердце есть нечто мерзкое и извращенное, что однажды ему откроется.

Боль под глазами уже стала настоящей мукой.

Время настало.

Даже Стукач это понял. Он стоял у решетки своей камеры и смотрел наружу.

– У тебя гости, жеребчик.

Икс посмотрел сквозь решетку – сердце у него стучало, как барабан.

Какой-то повелитель взлетел с каменистой равнины и неся по воздуху прямо на него.

* * *

Заклученным не разрешалось знать имена повелителей. Повелитель, ворвавшийся сейчас в камеру Икса, держался по-африкански царственно, так что его втихую называли Регентом, отдавая должное его гордой осанке, внушительному росту и сияющей угольно-черной коже.

Икс лег на спину, готовясь к ожидающему его ритуалу.

Вскоре Регент уже возвышался над ним, а золотой обруч у него на шее и ярко-синее одеяние мерцали в темноте.

Он положил ладонь на лицо Икса, словно маску, и начал произносить речь, которую Икс уже много раз слышал.

– Низинам нужно заполучить в свое собрание еще одну душу, – произнес он голосом, который был чрезмерно громким для тюремной камеры. – Он дурной человек, нераскаявшийся и ненаказанный. Я принес тебе его мерзкое имя. Готов ли ты получить это имя, и поставишь ли ты этого человека передо мной на колени?

– Да, – ответил Икс.

– Будешь ли ты все это время оберегать тайну нашего мира? Будешь ли защищать древнюю нерушимую стену между живыми и мертвыми, как это делали все охотники с той поры, когда даже время еще не начало оставлять след на камнях? – спросил Регент.

– Буду, – пообещал Икс.

Повелитель обхватил лицо Икса своей когтистой рукой и начал сжимать пальцы. Череп Икса словно воспламенился. Боль потекла вниз по его шее, прошла по плечам и двинулась дальше, пока не поглотила его целиком. Он не мог дышать. По предыдущему опыту он знал, что этот ужас пройдет, однако невольно начал рваться и дергаться. Рука повелителя нажала еще сильнее.

Тем не менее Икс не считал Регента жестоким. Продолжая надежно удерживать Икса, другой рукой он отечески гладил его по голове и следил за тем, чтобы его когти не повредили Иксу кожу. Вскоре нечто под глазами Икса прорвалось, словно плотина, так что он видел только ослепительную белизну. Придя в себя, он обнаружил, что находится в Верхнем мире... на склоне горы, в буран.

Регент наполнил жилы Икса прегрешениями мужчины.

Икс был подобен псу, почуявшему запах добычи.

Теперь он мог начать охоту.

Имя мужчины было скучным кирпичиком: Стэн. Но по крови Икса бежала не только история Стэна, но и истории всех тех, чьи жизни были им заражены. Там была старая супружеская чета, Берт и Бетти. Там был мальчик, заблудившийся в лесу, без куртки и перчаток. Пара собак.

И девушка.

Икс мог бы вызвать ее лицо и рассмотреть его во всех деталях, но поостерегся это делать.

Он просто скользнул по ней краем мысленного взгляда – и увидел достаточно, чтобы понять: она слишком милая... слишком отважная и полная надежды... чтобы он мог оправиться.

5

Сейчас девушка стояла у гаража. Она просто стояла, щурилась, глядя на Икса, и терла нос, ее волосы растрепались после сна. И все равно он был настолько заворочен ею, что в его теле все остановилось. У нее были волнистые светло-каштановые волосы, едва доходившие до плеч. На левой скуле красовалась небольшая родинка, привлекающая внимание к ее глазам: большим, сверкающим – и цвет менялся с голубого на серый.

Икс отвернулся и яростно раскашлялся. Преступления Стэна загрязняли его тело с той поры, как Регент впустил их ему в кровь. Теперь, когда Икс позволил Стэну уйти, боль усилилась. Для повелителей трясучка служила средством заставить охотников исполнить приказ и вернуться в Низины с добычей.

Икс никогда раньше так не страдал, потому что никогда еще не отказывался исполнить свой долг. И тем не менее он знал, что эти мучения – жар, боль, бред – будут только усиливаться, если он не возобновит поиски Стэна. Даже если Икс выдержит эту болезнь, повелители отправят за ним другого охотника – или, может, появится сам Регент, разгневанный и настроенный на мщение.

Когда приступ кашля прошел, Икс снова повернулся к девушке и ее родным. Мать удерживала детей на безопасном расстоянии, однако мальчишка сумел вырваться и кинулся к нему. Тело Икса инстинктивно напряглось: прежде к нему приближались только те, кто собирался ему навредить, но мальчишка просто захотел обнять его, шепнув:

– Ты спас моих собак!

Он стиснул Икса так сильно, что тот ахнул.

– Прекрати, ты делаешь ему больно! – сказала девушка. – И вообще так себя не ведут.

– Отойди от него, Джона, – потребовала мать.

Мальчик послушался. Мать обвела взглядом гараж.

– Господи, да тут жарко! – сказала она. – Как такое может быть?

Икс нагрел воздух, просто потеряв руки. Увидев тревогу матери, он сделал круговое движение кистью – и в гараже мгновенно воцарился холод.

– Ого! – воскликнула мать, встревожившись еще сильнее.

– Обалденно! – сказал мальчик.

Девушка ничего не сказала. Она не подходила ближе. Ей страшно? Противно? Икс не стал бы ее винить. Он внушал отвращение даже самому себе. Он видел, что она заметила ссадины у него под глазами и тут же быстро отвела взгляд. Его наполнил стыд. Хорошо бы она и ее родные убежали. Хорошо бы они сожгла гараж вместе с ним. Он не хотел, чтобы они связывали свои судьбы с его судьбой. Теперь, когда он предал повелителей, он превратился в тело, находящееся в свободном падении, ускоряясь в полете.

Икс бережно дотронулся до спины мальчика, давая ему знать, что тот не причинил ему боли. Он снова скосил глаза на девушку, опасаясь, что увидит в ее взгляде ужас. Вместо этого в ее глазах было какое-то мягкое выражение, которое он не сумел расшифровать.

Ему удалось заговорить, что удивило даже его самого. Он произнес четыре слова, постаравшись вложить в них как можно больше силы:

– Оставьте меня. Берегите себя. – А потом так тихо, словно говорил только себе, он добавил еще два: – Джона. Зоя.

Тут он начал терять сознание: тьма нахлынула на него со всех сторон. Он еще успел услышать короткий диалог. Мальчик изумленно сказал:

– Он знает, как нас зовут, ма! Откуда он узнал, как нас зовут?

А мать ответила, хоть это был не столько ответ, сколько какая-то усталая мольба:

– Хотела бы я знать, что впускаю в свой дом.

* * *

Зоина семья минут десять придумывала, как перетащить Икса в дом. Тем временем он то и дело погружался в забытие и снова выныривал обратно, словно лодка, которая никак не может решить, плыть или потонуть. Приходя в себя, он умолял их бросить его. Ему не удавалось объяснить им все опасности. В конце концов Джона с матерью ушли за чем-то в дом. Икс и Зоя остались одни.

Даже в лихорадке Икс ощущал всю неловкость этого момента. Он почувствовал, как Зоин взгляд снова скользнул по его лицу: по волосам, губам, глазам – и снова ему стыдно было даже думать о том, каким он должен ей казаться. Прежде он видел таких, как она, издавека, но они никогда ничего в нем не будили. А вот Зоя... Он ощущал на себе ее взгляд, даже когда отворачивался, даже когда у него были закрыты глаза. От ее лица исходило такое тепло, что оно было похоже на свет. Никакой ужас или ненависть больше не могли произвести на Икса впечатление, а вот красота и доброта сбивали его с ног.

– Кто вы? Что вы такое? – спросила Зоя после мучительного молчания. Чуть помолчав, она засмеялась: – На скейтборде катаетесь?

– На чем?

– Извините, – сказала она. – Постоянно что-нибудь ляпаю.

Новая неловкость. Иксу безумно хотелось говорить с ней, помочь успокоиться, показать ей в себе что-то не слишком жалкое.

– Я... не катаюсь на скейтборде, – сказал он.

Она почему-то засмеялась, покачала головой и спрятала лицо в ладони. А потом она устремила взгляд в темноту, проверяя, не возвращаются ли ее мать и Джона. Их пока не было.

– Зоя, – начал Икс, не зная, хватит ли у него сил произнести все те слова, что роились у него в голове, – вы должны меня бросить. Я не такой, как вы. Вы видели, на что я способен, и за мной вскоре придут создания еще более опасные. Они потребуют, чтобы я снова поймал Стэна, – и уничтожат любого, чья тень упадет на их путь. Зоя, я и правда могу принести вам только угрозу!

Она опустила руку рядом с ним на колени.

Чем ближе она оказывалась, тем слабее становилась его лихорадка. Он еще никогда не сталкивался с подобным.

– Ты спас нас с братом, – сказала Зоя, – а немного угрозы меня не пугает. – Она слабо улыбнулась. – Как тебя зовут? Я даже имени твоего не знаю.

– У меня его нет, – ответил он.

– Вот это да! – изумилась она. – Ладно, слушай: кто бы ты ни был, мы не оставим тебя здесь умирать от холода. Ты помог нам с Джоной, хотя и не был обязан, и не убил Стэна, хотя и мог... и тогда-то я и увидела, на что ты способен.

– Зоя, молю...

– Нет. Никаких молений.

Теперь голос у нее стал суровым. Он подумал, что прогневил ее, но тут же увидел, что ее одолевает множество эмоций.

– У нашей семьи выдался дерьмовый год, – призналась она, а потом замолчала, стараясь взять себя в руки.

– Можешь не говорить, если это причиняет тебе боль, – предложил он.

– Нет, я хочу все рассказать, – ответила она и заговорила снова, медленно, тщательно подбирая слова. – У нас был дерьмовый год. Мы ничего с этим не могли поделать, а вот с тобой мы что-то сделать можем. И потому мы тебе будем помогать, что бы ты ни говорил и как бы странно это ни звучало.

Икс всмотрелся в ее разум, проверяя, действительно ли ее воля настолько сильна, как кажется. Он действовал медленно, осторожно пробираясь в ее мысли, словно раздвигал ветки. Почти тут же она содрогнулась и бросила на него негодующий взгляд.

– Прекрати! – потребовала она. – Не будет никаких вмешательств в разум... или что это там такое. Обещай. Ни у меня, ни у моих близких.

– Даю тебе слово, – сказал он и добавил (хоть и не был уверен, что это следует делать): – И у меня никогда такого не получалось. Ни с кем, кроме тебя.

Похоже, это было для нее неожиданностью, и она улыбнулась.

Неловкость уходила, улетала клочьями, словно туман.

– Как ты будешь меня называть? – спросил он.

– Что-нибудь придумаю, – пообещала она.

В отдалении хлопнула парадная дверь – глухо, без эха. Икс повернул голову и смотрел, как Джона с матерью идут через дорогу. Джона радостно бежал впереди. Он нес красные санки, держа их перед собой, словно щит.

* * *

Общими усилиями они перетащили Икса к дому. На каждой кочке и ухабе он выгибал спину от мучительной боли. В доме они протащили санки через кухню в гостиную. Зоя с матерью тянули веревку, а Джона расчищал дорогу и выкрикивал отчаянные – и порой противоречащие друг другу – указания.

У лестницы им удалось поднять Икса на ноги, словно бригаде грузчиков, поднимающих статую. Зоя с матерью держали его под руки, а Джона подпихивал сзади, чтобы он не заваливался. Через пять выматывающих минут они добрались до площадки. Джона пожелал, чтобы Икс спал в его комнате, а когда его мать заколебалась, он принялся выкрикивать: «С ночевкой! С ночевкой!» В итоге было решено, что Икс будет спать на Джониной кровати, хоть та и была детской и имела форму божьей коровки. Все члены семейства Биссел устроятся на полу. Мать не захотела оставлять детей с ним одних.

Зоя помогла Иксу забраться на кровать, приложив ему к груди ладонь, чтобы его поддержать. Икс закрыл глаза, чтобы спрятать свое изумление. На его рубашке была треугольная горловина – и большой палец Зои пришелся на кусок обнаженной кожи. Следующие несколько секунд все, что он мог чувствовать, все, что осталось в его сознании из этого мира, были крошечные движения ее руки, когда она передвигала палец обратно на ткань.

Икс по-прежнему был очень слаб и дезориентирован. Как только Зоя убрала руку, он рухнул на матрас настолько тяжело, что у божьей коровки задержались усики. Зоя расшнуровала ему высокие ботинки и поставила их под кровать. Когда она направилась с его пальто к одежному шкафу, он протестующе замотал головой.

Зоя улыбнулась.

– Плед для комфорта? – спросила она.

Икс не понял ее фразы, но почувствовал, что в ней есть нечто доброе.

Зоя снова приложила ладонь к груди Икса (на этот раз так тщательно избегая контакта с его кожей, что он ощутил ее прикосновение даже острее, чем раньше) и сказала с непонятной мягкостью:

– Спокойной ночи, месяц.

Когда она начала отворачиваться, он поднял руку и дотронулся до ее локтя. Не будь он как в тумане и почти не в себе, он ни за что на это не решился бы.

– Зачем подвергать себя опасности? – спросил он. – Зачем все это для меня делать?

Зоя посмотрела на его пальцы, чуть сжавшие ее локоть, и улыбнулась ему – проблеском света в темноте.

– По телевизору нет ничего интересного, – дала она странный ответ.

Джона уснул первым и начал с кем-то или с чем-то сражаться во сне. Зоина мама довольно долго ворочалась, тихо охая каждый раз, когда перекатывалась на какую-нибудь игрушку, оставленную Джоной на ковре, но потом тоже погрузилась в сон, ласково обнимая сына.

Икс лежал тихо, но, несмотря на крайнюю усталость, ему не спалось. Он повернулся лицом к окну рядом с кроватью. Какой-то жучок отчаянно летал между оконными рамами, навечно пойманный и при этом отлично видящий мир вокруг себя. Икс хорошо знал, каково быть таким жуком. На мгновение он позволил себе вообразить, как вырвется из Низин и будет жить. По-настоящему жить. Он представил себя рядом с Зоей летом, когда мир не скован льдом и не засыпан снегом. Когда нет трясушки. Нет страха.

Он качнул головой. Эта картина была нелепой и к тому же опасной. Чем дольше он противится возвращению в Низины, тем большей опасности будет подвергать их всех.

Тем не менее даже звук Зоиного дыхания в темноте его пленял. Было уже почти пять утра. Только они двое бодрствовали. Какой-то инстинкт защитника не позволял ему заснуть раньше, чем она. Вот почему Икс и Зоя просто лежали в темноте. Он вслушивался в ее дыхание, дожидаясь, чтобы оно стало более глубоким и редким, и ему казалось – хоть и сложно было в это поверить, – что она тоже слушает его дыхание.

* * *

Здания школ, в которых учились Зоя и Джона, пострадали от бурана и закрылись надолго. Флагшток на старшей школе сломался пополам и влетел в парадную дверь, словно реактивный снаряд. Половина окон на северном фасаде здания разлетелись: от стекла остался только ободок крошечных острых осколков, похожих на хищные зубки. В школе младшей ступени классные комнаты затопило грязной водой. Сочинения об изменении климата и рисунки лошадей плавали по коридорам, словно листья кувшинок.

Икс погрузился в сон – такой длинный и глубокий, что напоминал кому. Грудь у него поднималась и опускалась, ноги свесились с божьей коровки. Он проспал большую часть понедельника и только смутно осознавал движение вниз. Он слышал голоса, слышал, как дверцы со скрипом открываются и со стуком закрываются. Слышал, как по снегу волокут ветки и кидают их в общую кучу.

После полудня приехал Зоин приятель на грузовике, сотрясающемся от музыки. Икс слышал, как Зоя называла его Далласом, но не был уверен в том, что это – имя. Даллас привез Зое кофе, от которого она вроде как пришла в восторг («Боже, неужели в нем настоящее молоко? Только моей маме не говори!»). Однако она отправила его обратно, не впустив в дом. Икс знал, что это из-за него, и его соображения как раз хватило на то, чтобы почувствовать слабенькое чувство вины.

Спустя несколько часов он снова проснулся: снова звук мотора, еще один друг. Небо было черным – только на горизонте виднелись размытые желтые огни другого городка. Рубашка у Икса намочила от пота.

Это оказалась Зоина подруга, и, похоже, близкая. Она не стала стучаться в дверь – просто заявила в прихожую и позвала Зою. Как только Зоя попыталась отправить ее обратно, подруга возмутилась:

– Ты чего такая странная? Мы с Глорией всего часок подремали... ладно, пять часов, заткнись уже... и теперь ты меня отшиваешь? И, кстати, что за чертовщина с этим диким постом в «Инстаграмме»? О нем почему-то начали спрашивать меня!

Даже в лихорадочном полусне Икс почувствовал, как Зоя напряглась.

Скрипнула ступенька: Зоя села прямо на нее. Она не хотела пропускать подругу к Иксу и перегородила лестницу.

– Я все тебе расскажу, Вэл, – сказала она наконец, – но сначала ты Расскажи мне, что именно слышала.

Вэл вздохнула.

– Терпеть не могу эти игры, – пробурчала она. – Ладно, я слышала, что ты раскрыла убийство Уоллесов, познакомилась с крутым инопланетянином и заставила начальника полиции пиццать, как сучка. – Она помолчала. – Давай начнем с инопланетянина.

– Он не инопланетянин, – сказала Зоя.

– Какое разочарование! – отозвалась Вэл. – Но продолжай.

– Я с ним познакомилась во время бурана, – сказала Зоя. – Он помог нам с Джоной.

– И? – спросила Вэл.

Икс этого вопроса не понял, но Зоя явно поняла. Она понизила голос до шепота, не подозревая, насколько чутко Икс слышит.

– И он такой классный, что я просто не могу.

– Просто не можешь? – переспросила Вэл.

Обе уже хихикали.

– Просто совсем не могу! – ответила Зоя. – Вот спроси меня про его плечи. Спроси про его руки. Типа... про любую часть тела.

– Ладно, ладно, я поняла, – запротестовала Вэл. – Пусть мне и кажется, что гетеросексуальный секс гадкий и аморальный, это не значит, что я не понимаю, что такое классный парень.

Зоя засмеялась.

– Так теперь он еще и аморальный? – спросила она.

– Привет, перенаселенность! Привет, мировая нищета! – заявила Вэл. – Но я стараюсь быть объективной. Расскажи еще про инопланетянина.

– Все равно не инопланетянин, – напомнила Зоя.

– Все равно жаль, – парировала Вэл.

Икс снова провалился в сон, словно его кто-то толкнул в реку. Он понял не больше половины того, что услышал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.